РУССКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

[Вып. 2]

Мордва.

Курсъ лекцій, читанныхъ въ 1908—09 уч. году въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ

С. К. Кузнецовымъ.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института. Москва. 10 февраля 1912. Директоръ *Александръ Успенскій*.

Текстъ печатанъ въ тип. Пожидаева, Москва.

МОРДВА.

Хорографическія данныя.

Въ минувшемъ году закончили мы историко-географическій обзоръ верхневолжской группы финновъ, населявшихъ на зарѣ русской исторіи центральныя губерніи Средней Россіи, мы обозрѣли территоріи исчезнувшихъ племенъ мери, веси, муромы, мещеры и познакомились съ Біарміей, такъ заманчиво обрисованной въ скандинавскихъ сагахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду огромное значеніе бассейна р. Волги для исторіи Восточной Европы, мы дали обзоръ всѣхъ имѣющихся въ литературѣ попытокъ объяснить названіе р. Волги, а вмѣстѣ съ ней и названіе страны Болгаріи—Булгаръ. Намъ слѣдовало бы теперь перейти прямо къ исторіи болгаръ, но Болгарія лежала на лѣвомъ берегу Волги, а у насъ на правомъ берегу остается еще мордва, игравшая довольно важную роль въ русской исторіи. Вступая въ область средняго Поволжья, мы покончимъ сначала съ обзоромъ праваго берега Волги, а потомъ перейдемъ на лѣвый, чтобы послѣдовательно дать историко-географическій обзоръ остальныхъ племенъ восточно-финнской группы.

Мордва была послѣднимъ изъ финнскихъ племенъ, помѣщенныхъ Начальною Лѣтописью на нижнемъ теченіи р. Оки. Мордва представляетъ собою въ настоящее время самое многолюдное восточно-финнское племя; она занимаетъ своими поселеніями значительное пространство въ губерніяхъ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Казан-

ды изъ сравнительнаго изученія финнскихъ нарѣчій: „Волжско-балтійскіе финны жили совмѣстно долгое время послѣ отдѣленія отъ пермской группы, слегка соприкасаясь съ германскими народами, отъ которыхъ они заимствовали десятичную систему счисленія и незначительное количество культурныхъ словъ. Новые историческіе перевороты двинули западно-финнскіе народы дальше на западъ и сѣверъ—и на это время приходится періодъ перваго значительнаго культурнаго вліянія германцевъ (первыя столѣтія нашей эры).

Въ другой статьѣ своей (Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen) профессоръ *Доннеръ* представляетъ дѣло нѣсколько иначе. Первое соприкосновеніе неотдѣлившейся еще отъ западныхъ финновъ мордвы съ германцами въ лицѣ готовъ имѣло мѣсто во внутренней Россіи, примѣрно въ Московской губерніи; къ этому же мордовско-финнскому періоду совмѣстной жизни относится соприкосновеніе съ литовцами и славянами, потому что въ мордовскомъ языкѣ оказываются слѣды не только готскаго, но и литовскаго вліянія.

Въ трудѣ извѣстнаго датскаго финнолога пр. *Томсена* (Beröringar mellem de finske og de baltiske (lettisk-litauiske) Sprog. 1890) встрѣчаемъ мы новую схему: въ эпоху, когда на финнскіе языки началось готское вліяніе, т. е., судя по архаическимъ формамъ заимствованныхъ словъ, не позже III в. по Р. Х., черемисы и мордва уже были оторваны отъ западныхъ финновъ, потому что въ языкахъ ихъ нѣтъ слѣдовъ этого вліянія. Эта эпоха совпадаетъ съ концомъ болѣе ранняго періода, когда мордва составляла нераздѣльное цѣлое съ балтійскими финнами. Въ этомъ періодѣ своей исторіи, вмѣстѣ съ черемисами и суоми, мордва испытала сильное вліяніе литовскаго племени, такъ какъ въ мордовскомъ языкѣ есть такія заимствованія, которыхъ нѣтъ въ языкѣ суоми. Время, въ которое совершалось вліяніе литовскаго языка на мордву и суоми, совпадаетъ, по мнѣнію Томсена, съ началомъ христіан-

ской эры, а можетъ быть и еще древнѣе. За этой древнѣйшей эпохой (доисторической) слѣдуетъ эпоха пра-финнская, когда нераздѣлившіяся еще финнскія племена закладывали начатки своей культуры. Эпоха эта еще мало изучена, почему и понятно разнорѣчіе финнскихъ и мадьярскихъ ученыхъ относительно степени вліянія готовъ на мордву въ такъ наз. мордовско-финнскій періодъ ея исторіи. Какъ бы то ни было, готское вліяніе на мордовскій языкъ не подлежитъ сомнѣнію, не говоря уже о томъ, что о политической зависимости мордвы отъ готовъ говоритъ историкъ Іорданъ.

Изслѣдованіе отношеиій финнско-мордовскаго элемента къ германскому, литовскому и славянскому знакомитъ насъ съ сосѣдями, которыхъ мордва имѣла въ доисторическую эпоху; кромѣ того проф. *Томашекъ*, въ своей статьѣ „Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden“, указываетъ еще иранскіе элементы въ языкѣ мордвы, именно осетинскій и зендскій. Данныя языка допускаютъ такимъ образомъ предположеніе, что сосѣдями мордвы въ доисторическій періодъ были германцы, славяне, литовцы и какое-то иранское племя, вѣрнѣе всего—алане-осетины.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что проф. *Андерсонъ*, сопоставляя эстонскія, мордовскія и черемисскія названія, еще въ 1879 г. пришелъ къ заключенію, что область совмѣстной жизни мордвы, черемисъ и западныхъ финновъ лежала въ средней Россіи, въ поясѣ разнообразнаго чернолѣсья. Въ 1886 г. академикъ *Кёппенъ* вновь пересмотрѣлъ этотъ вопросъ; на основаніи сравнительнаго изученія названій древесныхъ породъ, онъ также пришелъ къ убѣжденію, что родиной финнскихъ племенъ была страна, гдѣ росли дубъ, орѣшникъ, ясень, кленъ, рябина, сосна, береза и яблоня. Этой страной, по мнѣнію Кёппена, могло быть среднее теченіе Волги и ея притоковъ Оки и Суры.

Элементъ греческій въ языкѣ мордвы до сихъ поръ никѣмъ еще выдѣленъ не былъ, но что онъ имѣется, въ

этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Достаточоо указать на мокшанское нарѣчіе, въ которомъ встрѣчается слово *ватраки*—лягушка (греч. bátrachos). Принимая во вниманіе слишкомъ далекое распространеніе мокши на Ю. еще въ XIII в., неудивительно, что она могла имѣть соприкосновеніе съ греками черноморскихъ колоній въ очень отдаленную пору, когда одновременно испытывала иранское вліяніе.

Подведемъ теперь итогъ всему тому, что даютъ намъ перечисленные выше финнологи.

На Ю. В. отъ страны, занятой финнами и мордвой, находились земли иранскихъ обитателей южной Россіи, на С. З.—земли готовъ и литовцевъ, а на Ю. З.—земли славянъ. Такимъ образомъ, указанія филологіи оріентируютъ насъ въ вопросѣ о древней родинѣ мордвы самымъ общимъ и довольно неопредѣленнымъ образомъ. Въ отдаленный періодъ совмѣстной жизни съ западными финнами мордва жила приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ видимъ мы ее и до сихъ поръ; но болѣе точное опредѣленіе мордовской территоріи въ древности можно сдѣлать не иначе, какъ путемъ анализа мѣстной географической и хорографической номенклатуры. Для того, чтобы съ извѣстной отчетливостью выдѣлить изъ массы географическихъ названій средней Россіи названія чисто-мордовскія, необходимо опредѣлить наиболѣе характерные ихъ признаки и основные типы.

Какъ и въ Мерянской странѣ, хорографическія названія мордовской территоріи обозначаютъ либо свойство мѣстности, либо даютъ характеристику рѣки и мѣстности, или же указываютъ на имя перваго поселенца. Не исчерпывая обширной географической номенклатуры мордовскаго края, которой отводится мѣсто въ приложеніи, остановимся на рядѣ типичныхъ примѣровъ: начнемъ съ рѣчныхъ названій (рѣчка и рѣчная долина по-мордовски называются *лей*, *ляй*).

Пичи—лей (*пиче*—сосна+*лей*—рѣчка)—Сосновка (Пенз. Город. 281).
Чувар—лей (*шувар*—песокъ+*лей*)—Песчанка (Нижег. 144. Арзам. 559) Ср. *Чибир—лей* Сарат. Кузн. 1262. Ср. *Шувары* Пенз. Инсар. 536, Нижнелом. 1318. *Шуварскій* почин. Пенз. Наровч. 1294. *Чуварлейка* Нижег. Ардат. 478.
Леп—лей (*лепӓ*—ольха+*лей*—Ольшанка. Ср. *Леплейка* Сарат. Хвал. *Леплейка* Пенз. Инс. 462 и 982.
Липелей Ниж. Ардат. 455. 2015.
Уча—лей (мокш. *уча*, эрз. *уця*—овца+*лей*)—Овечья р.
Нару—лей (эрз. *нару*, мокш. *нар*—трава, зелень, поле+*лей*)—Полевая р.
Ине—лей (эрз. *инэ*—большой+*лей*)—Большой врагъ.
Ср. *Инелейка* Ниж. Серг. 4394.

Очень часто рѣчныя названія происходятъ отъ личнаго имени перваго мордвина, поселившагося на берегахъ извѣстной рѣки. Въ данномъ случаѣ, для выясненія мордовскаго происхожденія этихъ названій, помогаетъ списокъ языческихъ мордовскихъ именъ, составленный по архивнымъ документамъ XVII в. покойнымъ А. Н. Островскимъ. Приведемъ примѣръ.

Кички—лей, Пенз., Городищ. № 280 (отъ собств. имени Кичка).
Колопо—лей, Пенз., Красносл. № 836 (=Колопино, отъ мокш. *келпнемс* —зѣвать).

Кочат—лей,	Симб.	(Кочай) Ср. эрз. *кочомс*—клюю.
Кулиш—лей,	———	(Кулеш).
Капа—лей,	Сарат.	(Кабай) Ср. мокш. *капа*—копна.
Урма—лей,	———	(Урмай) Ср. мокш. *урма*—болѣзнь.
Конак—лей,	Нижегор.	(Конак).
Аташ—лей,	———	(Атай, Атуш).
Кочкар—лей,	———	(Качкур). Ср. мокш. *кочкаря*—пятка.
Кудаш—лей,	———	(Кудаш). Звучитъ по-черемисски.
Атяш—лей,	———	(Атяш) Ср. мокш. *атя*—старикъ.

Для обозначенія населенныхъ мѣстъ всего чаще примѣняются термины:

деревня—*веле*, гора—*панда*, лѣсная поляна—*кужа*, городъ (т. е. укрѣпленіе)—*ош*, поселокъ—*гарт*, устье рѣки—*дон*, лѣсъ—*виръ*.
Кардавиль Нижег. Арз. 633 (м. *карда*—стойло, эрз. *кардас*—дворъ)—Дворъ.
Одвеле Пенз. губ. (отъ э.-м. *од*—новый)—Новая деревня.
Вярвель Пенз. Инсар. 613 (м. *вӓр*—вершина, верховье; эрз. *вӓре*—верхній) —Верхняя деревня.
Родивеля Пенз. Красносл. 768 (э.-русск. *род*—родня)—Родная деревня.
Рузвель Пенз. Наровч. 1168 (не отъ мокш. *роз*—рожь, но отъ эрз. *руз*—русскій)—Русская деревня.

Пич-панда Тамб. Спас. 2415 (отъ *пиче*—сосна+*панда*)—Сосновая гора.
Ласка-панда Самар. у. (отъ *Ласка*—Власъ, Власка+*панда*)—Власова гора.
Вергезен-панда Самар. у. (отъ эрз. *верьгез*—волкъ+*панда*)—Волчья гора.
Камакужа Пенз. Инсар. 448 (отъ мокш. *кӓмӓ*—сапогъ+*кужа*)—Сапожная поляна.
Кузгорть Нижег. Ардат. 419 (отъ мокш. *куз*—ель+*гарт*)—Еловый починокъ.
Сарадонъ Нижег. у. 200 (отъ мокш. *сарас*—курица+*дон*)—Куриное устье.
Кужадонъ Нижегор. у. 207 (отъ *кужа*+*дон*)—Полянское устье.
Салавирь Нижег. Горбат. 2056 (не отъ мокш. *салу*—соленый, а отъ эрз. *саламс*—воровать)—Воровской лѣсъ.

Перечисленные нами типы хорографическихъ названій далеко не исчерпываютъ всѣхъ особенностей географической номенклатуры въ предѣлахъ мордовской территоріи: въ этихъ названіяхъ въ значительной степени отражаются также ботаническія и зоологическія особенности, страны, какъ и въ мерянскомъ краѣ. При этомъ часто случается, что многія названія рѣкъ, быть можетъ—подъ вліяніемъ русскаго языка, утратили вторую половину слова, напр.:

Мокша, вмѣсто Мокша—лей.
Явасъ, вмѣсто Евасъ—лей (отъ мокш. *йаван*—дѣлиться)—Двойная.
Поника, вмѣсто Поник—лей.
Пара, вмѣсто Пара—лей (отъ эрз. *паро*—мокш. *пара*—добрый, полезный)—Добрая рѣка.
Сура, вмѣсто Сура—лей (отъ мок. *сура*—просо)—Просяная рѣка.
Сира, вмѣсто Сира—лей (отъ эрз. *сира*—край, берегъ, или мокш. *сира*—старый)—Старая рѣчка.
Мараса, вмѣсто Марас—лей (отъ мокш. *марас*—вязъ)—Вязовка.
Варма, вмѣсто Варма—лей (отъ *варма*—вѣтеръ)—Вѣтрянка.

При названіяхъ рѣкъ, точно также какъ при названіяхъ селеній, очень часто встрѣчаются названія, происходящія отъ собственнаго имени. Таковы, напр.:

Промза въ Симб. губ., отъ личн. имени *Поромза* (эрз. *промомс*—собираюсь, схожусь).
Стемасъ ——— „ ——— „ ——— *Стемасъ*.
Канакъ ——— „ ——— „ ——— Конакъ
Ибрясь—ка ——— „ ——— „ ——— Ибрай
Артамас—ка ——— „ ——— „ ——— Артамасъ (отъ *ардомс*—бѣгать).
Мортасъ въ Тамб. губ., отъ личн. имени Мортасъ.

Вачкасъ ——— „ ——— Вечкасъ (отъ эрз. *вечкемс*—люблю).
Наровать ——— „ ——— Норовать (отъ эрз. *нарвамс*—сидѣть на яйцахъ).

Многія изъ этихъ именъ представляютъ неодолимое препятствіе для объясненія, хотя бы они и оставались въ своемъ первоначальномъ видѣ: до такой степени загадочно происхожденіе этихъ именъ; но трудность объясненія хорографическихъ названій усложняется еще болѣе, благодаря попыткамъ позднѣйшаго русскаго населенія осмыслить малопонятныя для русскаго уха древнія мордовскія названія. Эти попытки отражались тѣмъ, что въ мордовскихъ именахъ или совсѣмъ отбрасывалось окончаніе *лей*, или же измѣнялось въ *ляй*, *ль*, *ля*, смотря по тому, какъ казалось удобнѣе. Благодаря этому, часто можно догадаться, какое изъ названій сохранило первоначальную мордовскую форму, какое руссифицировано, напр.:

рч. *Кирлей* Нижег. г. передѣлана въ: *Кирленка* Симб., *Кирель* Нижегор.
„ *Урлей* Пенз. г. ——— „ ——— *Урля* Пенз.
„ *Нерляй* Пенз. г. ——— „ ——— *Нерль* Пенз.
„ *Пишлей* Тамб. г. ——— „ ——— *Пишля* Пенз.
„ *Кудолей* Пенз. г. ——— „ ——— *Кутля* Тамб.
„ *Новлей* Пенз. г. ——— „ ——— *Новля* Тамб.

Селенія, какъ и рѣки, очень часто утратили свое старое имя и по внѣшности руссифицированы съ помощью окончаній *ово*, *ево*; особенно замѣтно это въ названіяхъ, происходящихъ отъ именъ собственныхъ:

Ардатовъ, у. г. Симб. г.
Ардатово, Симб. Алат. 288.
Ардатова старая, Симб. Алат. 235.
Кабаево, Нижег. Алат. 290.
Сабанчеево, Нижег. Алат. 301.
Чамзинка, Нижег. Алат. 432, 501; Карс. 984.
Чамзинка новая, Ардат. 381,—старая 383.
Кочаева новая, Нижег. Арз. 424; старая —Ардат. 384.

Алтышево, Нижег. Алат. 256.
Поводимово, Нижег. Алат. 286.
Суродеевка, Нижег. Ардат. 399.
Пилесево, Нижег. Ардат. 437.
Кулясово, Нижег. Ардат. 490.
Маресево, Нижег. Ардат. 502.

Анализъ хорографическихъ названій даетъ поводъ заключать, что въ древнѣйшій періодъ своей исторіи мордва занимала огромное пространство, захватывающее нынѣшнія

губерніи: часть Казанской, Нижегородскую, Пензенскую, часть Рязанской и Калужской, губерніи Симбирскую, Тамбовскую и Саратовскую. Появленіе мордвы въ самыхъ низовьяхъ, около Астрахани, относится уже къ позднѣйшему времени, а въ предѣлахъ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губ. она появилась въ XVI и главнымъ образомъ въ XVII стол. Такимъ образомъ, первоначальную родину мордвы нужно искать на правой сторонѣ средней Волги, въ бассейнахъ правыхъ притоковъ Оки и особенно по Сурѣ. Но и здѣсь мордва не была первыми обитателями, а вытѣснила финнскія племена, обитающія теперь на крайнемъ сѣверѣ. Значительная часть Рязанской губ., вся Тульская, Ю. Владимірской губ. и С. Воронежской представляютъ обильные остатки мордовскихъ хорографическихъ названій.

Археологическія данныя

Такъ какъ достовѣрныя историческія извѣстія о мордвѣ начинаются не ранѣе IX в. нашей эры, притомъ свѣдѣнія эти переплетаются съ извѣстіями о буртасахъ, обитавшихъ въ той же мѣстности, то, прежде чѣмъ начать изложеніе историческихъ судебъ того и другого племени, обратимся къ археологическимъ даннымъ. Обширная территорія, намѣченная нами на основаніи хорографическихъ названій, въ археологическомъ отношеніи мало еще разработана: раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь трехъ—четырехъ пунктахъ, весь же остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ, или черезъ руки хищниковъ, которые искали въ курганахъ кладовъ. До сихъ поръ для мордовской территоріи мы не располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ изслѣдованію, потому что археологическія карты, значительно уже устарѣвшія, имѣются только для Нижегородской, Казанской, Тамбовской и Пензенской губ., а по Симбирской и Саратовской губ. имѣются только отрывочныя свѣдѣнія. Ко-

личество этихъ памятниковъ громадно, но изслѣдованы изъ нихъ очень немногіе, притомъ иные довольно небрежно.

Всѣхъ раньше изслѣдованъ въ 1877 г. мордовскій могильникъ, залегавшій подъ православнымъ кладбищемъ у Покровской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, на глубинѣ трехъ саженъ. Въ могильникѣ этомъ найдены во множествѣ человѣческія кости вмѣстѣ съ лошадиными и бараньими; скелеты обращены были лицомъ къ западу.

О такъ называемомъ „Мордовскомъ могильникѣ" въ 6 верстахъ отъ г. Касимова у дер. Поповки мы знаемъ изъ раскопокъ покойнаго *Нефедова*. Хотя край, въ которомъ находится могильникъ, носитъ названіе *Мещерскаго*, но мѣстное населеніе считаетъ мордву эрзю древнѣйшими насельниками этого края. При обзорѣ Мещерской территоріи мы имѣли случай убѣдиться, что большинство хорографическихъ названій этого края звучитъ по-мерянски, и только около трети объясняется изъ мордовскаго языка по эрзянскому нарѣчію; но такъ какъ большинство рѣкъ въ этой мѣстности носитъ мордовскія названія, то нужно думать, что мордва обитала здѣсь очень долгое время. *Нефедовъ* раскопалъ здѣсь 63 кургана, т. е. цѣлый могильникъ, на лѣвомъ берегу Оки, состоящій изъ круглыхъ, срѣзанныхъ на вершинѣ кургановъ, вышиною отъ 2 до 9 арш. Скелеты лежали или въ вытянутомъ, или утробномъ положеніи: въ 13 случаяхъ головой на западъ, лицомъ къ С. или къ С. В., въ двухъ случаяхъ лицомъ на С.З.; въ 6 случаяхъ покойникъ лежалъ головой на С., въ 5—на С. В.; дважды найдено направленіе головы на Ю. и дважды на Ю. З.; въ остальныхъ случаяхъ положеніе скелета не отмѣчено. Разнообразіе въ оріентировкѣ скелетовъ какъ-бы указываетъ если не на смѣшанный характеръ населенія, примѣнявшаго различные погребальные обряды, то на разновременность этихъ погребеній; за это говоритъ и разнообразіе погребальной обстановки, потому что въ большинствѣ кургановъ найдены въ ногахъ горшки съ пепломъ и угли, а въ нѣсколькихъ случаяхъ—только кости жертвенныхъ животныхъ.

Въ Тамбовской губ. изслѣдованія производились довольно систематично въ трехъ пунктахъ. *И. И. Дубасовъ* изслѣдовалъ *Ширингушское городище*, которое представляло массу кирпича и камней; мѣстное населеніе помнило еще подвалы, выстроенные изъ камня. На городищѣ этомъ найдены были жернова, мѣдная посуда, горшки, копья, топоры и каменные молотки. Судя по столь сильному разнообразію остатковъ матеріальной культуры, можно думать, что на мѣстѣ первоначальнаго мордовскаго могильника возникъ впослѣдствіи татарскій городъ.

Второй могильникъ—*Лядинскій*—обнаруженъ былъ впервые еще въ 1868 г., при постройкѣ Саратовско-тамбовской жел. дороги, причемъ на 12-й верстѣ отъ Тамбова, близь рч. Ляды, рабочіе въ изобиліи находили разные древніе предметы. Часть найденныхъ при этомъ наиболѣе цѣнныхъ вещей была продана рабочими подрядчику *Шарпелю*; съ этой коллекціей познакомился финляндскій археологъ *Аспелинъ*, и она послужила ему матеріаломъ для характеристики мордовско-муромскаго желѣзнаго вѣка, въ III томѣ его Antiquités du Nord finno-ougrien. Въ 80-хъ годахъ, послѣ открытія Тамбовской ученой архивной коммиссіи, уцѣлѣвшая часть могильника была подвергнута раскопкѣ *Н. В. Ястребовымъ*, который въ 1887 г. вскрылъ 159 могилъ и издалъ описаніе своихъ раскопокъ, присоединивъ сюда описаніе находокъ изъ *Томниковскаго* могильника, подъ общимъ заглавіемъ „Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. С.-Пб. 1893. 4°.“ (Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм. № 10). Начнемъ съ Лядинскаго могильника, который изслѣдованъ былъ на перевалъ, т. е. безъ просѣванія, почему по меньшей мѣрѣ $^1/_4$ предметовъ могла ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя.

Могилы находимы были на разной глубинѣ, отъ $^1/_2$ арш. до 2 арш., причемъ послѣднія лежатъ уже на глинистомъ подпочвенномъ слоѣ, тогда какъ первыя залегали въ пескѣ, смѣшанномъ съ черноземомъ. По харак-

теру погребенія различаются двѣ группы могилъ: 127 погребеній обычныхъ (ингумація) и 16 по способу сожженія. Вслѣдствіе пористости почвы и незначительной глубины могилъ, кости сохранились очень плохо, и только $^1/_5$ погребеній можетъ быть точно оріентирована; но такъ какъ во многихъ случаяхъ найдены только слабые остатки костей, главнымъ образомъ—разрушенные черепа, то очень можетъ быть, что число погребеній по способу сожженія должно быть значительно увеличено. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, ногами на сѣверъ, но въ 7 случаяхъ допущено отступленіе. Только 2 черепа лежали въ могилѣ на затылкѣ, лицомъ кверху; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ черепа лежали на вискѣ, всего чаще на лѣвомъ, т. е. потухшій взоръ покойника чаще былъ обращаемъ на западъ, чѣмъ на востокъ. Руки оказывались обыкновенно согнутыми на груди, причемъ кисти рукъ не скрещивались; иногда кисти рукъ пригнуты были къ шеѣ, рѣже покоились на тазовой области, но часто они были вытянуты просто вдоль туловища. Во многихъ могилахъ найдены остатки лубка и бересты; всего чаще лубкомъ выстилалось дно могилы, но иногда трупъ покрывался сверху вдоль и поперекъ длинными полосами лубка. Въ одномъ случаѣ въ могилѣ найденъ скелетъ жеребенка, помѣщенный въ могилѣ въ сидячемъ положеніи и обращенный головою къ ногамъ покойника.

Вслѣдствіе плохой сохранности костей, опредѣленіе пола погребеннаго дѣлалось на основаніи погребальнаго инвентаря, причемъ, разумѣется, вѣроятны нѣкоторыя ошибки; изъ 127 погребеній по способу ингумаціи, только 71 можно счесть женскими и 18 мужскими; остальныя погребенія невозможно пріурочить къ опредѣленному полу. Обозрѣніе погребальнаго инвентаря показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ культурой, отчасти сходной съ мерянской, но отличающейся бо̀льшимъ разнообразіемъ, особенно въ женскихъ могилахъ.

Раскопки Ястребова произведены хотя и болѣе тщательно, нежели раскопки гр. Уварова, но все-таки допущены нѣкоторые досадные пробѣлы. Детальное изученіе женскихъ погребеній приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Лядинскія женщины, какъ и мерянки, носили на головѣ бронзовые или серебряные вѣнчики, которые опоясывали голову отъ лба къ загылку и застегивались назади маленькой пряжкой; входившія въ составъ вѣнчика металическія украшенія нанизывались на узкій ремешекъ, который для упругости подкладывался еще берестомъ. Вѣнчикъ этотъ, на подобіе византійской діадемы, украшался подвѣсками изъ спиралекъ, оканчивающихся звѣздообразнымъ украшеніемъ.

Косы большею частью наматывались на палочку и снаружи обматывались узкимъ ремешкомъ, спирально обвитымъ тонкою бронзовою пластинкой, а однажды подобная коса пропущена была въ особую спиральку. Всѣ косы, какъ и сохранившіеся на черепахъ волоса—темнорусаго цвѣта.

Лядинскія серьги крайне разнообразнаго типа: онѣ напоминаютъ длинную, но узкую спиральку, обернутую вокругъ мѣднаго стержня, а верхній конецъ серьги переходитъ въ спиральную проволоку; этотъ конецъ или вдѣвался въ волосы, или прикрѣплялся къ куску кожи, который надѣвался на ухо (см. *Ястребовъ*, т. IV, 5. VI, 27. IX, 2).

Нѣкоторую аналогію этимъ серьгамъ можно видѣть въ теперешнемъ мордовскомъ *секини* родъ кистей, спускающихся отъ головного вѣнца надъ ушами; онѣ дѣлаются изъ мишурныхъ нитокъ, на которыя нанизаны стеклярусъ, мелкія монетки (*тенька)*, а къ висячимъ концамъ придѣланы кисти (эрз. *ярмакынъ пилекс*).

Шейныя украшенія чрезвычайно разнообразны: это были или бусы разнаго цвѣта (синяго, желтаго, зеленаго, иногда высеребренныя и позолоченныя) и формы, нанизанныя на шнуръ, иногда чередовавшіяся съ бубенчиками, спиральками мѣдной проволоки, раковинами, или же медвѣжьими зубами, бронзовыми привѣсками въ формѣ птичекъ

и медвѣжьими когтями. Другого рода шейныя украшенія состояли изъ ряда бронзовыхъ звеньевъ съ подвѣсками, въ видѣ гусиной лапки, иногда укрѣпленными на бронзовой цѣпочкѣ, или же то были шейные жгуты и своеобразныя гривны, по нижней части увѣшанныя бронзовыми коническими трубочками. Первый родъ шейныхъ украшеній нетрудно сблизить съ мокшанскимъ *очу крест ведьмй*— шейный жгутъ съ большимъ крестомъ, на который мордовки еще не такъ давно нанизывали медвѣжьи и лисьи когти.

Грудь украшалась ажурными бляхами съ гремящими подвѣсками; иногда попадалось по двѣ такихъ бляхи. Эти бляхи можно сближать съ мордовскими грудными украшеніями, продолговато-четырехугольной или ромбоидальной формы, которыя дѣлаются изъ холста на берестяной подкладкѣ, или изъ кожи, унизываются бисеромъ, раковинами и называются у эрзи *сюльгамо* (табл. I, 3 и 4). Въ нижней части груди, иногда даже по бокамъ, съ помощью особыхъ застежекъ прикрѣплялись продолговатыя пластинки съ цилиндрическими подвѣсками, а воротникъ рубашки застегивался круглой пряжкой съ подвѣсками, въ видѣ птичьихъ лапокъ или колокольчиковъ. Подобныя пряжки, называемыя у мордвы *кирмиж карчиня*, и донынѣ украшаются подвѣсками изъ раковинъ, бисера, пуговицъ и мелкой монеты.

На животѣ, приблизительно тамъ, гдѣ долженъ завязываться поясъ, находимы были большія (до 1/4 аршина въ діаметрѣ) пряжки съ круглою откидной дверкой посрединѣ, которая защемляла концы пояса, запираясь снизу вверхъ.

Обыкновенные пластинчатые браслеты находимы были на обоихъ запястьяхъ, рѣже на одной правой рукѣ. Но чаще попадались спиральные браслеты балтійскаго типа. Тѣ и другіе встрѣчались по нѣскольку штукъ на одной рукѣ.

Кольца попадались всего чаще спиральныя, отъ 1 до 4 на каждой рукѣ, а перстни съ площадкой найдены только въ трехъ случаяхъ.

Въ женскихъ могилахъ поражаетъ изобиліе кольцеобразныхъ фибулъ, простыхъ и съ отростками, которыя попадались то по одной, то по четыре, то по девяти, а въ исключительныхъ случаяхъ по 11, по 16, даже по 20 штукъ. Назначеніе ихъ представляется нѣсколько неяснымъ, потому что онѣ встрѣчались вдоль всего туловища: на груди, на боку, на животѣ; трудно думать, чтобы онѣ служили только для застегиванія одежды, а скорѣе всего для прикрѣпленія различныхъ звенящихъ подвѣсокъ.

Благодаря обилію бронзовыхъ украшеній, найдено много остатковъ тканей, подстилка изъ войлока и даже звѣриныхъ шкуръ. Въ одномъ случаѣ подобная шкура, сшитая изъ полосъ вершка въ 1 1/2 ширины, охватывала тазовую часть скелета и была опоясана ременнымъ поясомъ. Ястребовъ очень неудовлетворительно описываетъ эти ткани: только по рисункамъ можно догадываться, что находимы были ткань льняная, грубая пеньковая и толстая шерстяная, вполнѣ напоминающая мерянскую ткань. Ястребовъ встрѣчалъ иногда въ могилахъ остатки костюма, напр. рукава, подложенные кожей, но не счелъ нужнымъ останавливаться на этой детали.

Положенный въ могилу трупъ окружался различными предметами для загробныхъ потребностей покойницы. Обычную принадлежность женскихъ могилъ составляютъ горшки безъ всякаго орнамента, чаще въ головахъ, рѣже по бокамъ черепа, и всего нѣсколько разъ въ ногахъ скелета; иногда при горшкахъ находимы были глиняныя ложки и ковши. Горшки эти снабжены срѣдка оригинальною тамгой мастера. Тамги эти чрезвычайно напоминаютъ современные инородческіе знаки собственности. Кромѣ того въ женскихъ могилахъ часто попадались миніатюрные желѣзные топорики и лопатовидные кельты сибирскаго типа, едва ли служившіе для военныхъ цѣлей, а скорѣе всего-

для женскихъ хозяйственныхъ надобностей, напр. для выкапыванія съѣдобныхъ и красильныхъ корней.

Что касается *мужскихъ* погребеній, то въ нихъ поражаетъ богатство и разнообразіе ремней, украшенныхъ бронзовыми, а иногда серебряными фигурными бляхами, часто снабженными колечками для подвѣшиванія всякаго рода нужныхъ въ ежедневномъ обиходѣ предметовъ. Многія изъ этихъ бляхъ украшены узоромъ, совершенно подобнымъ тому, который встрѣчается на бляхахъ изъ кургановъ Западной Сибири и Минусинскаго округа. Ремень обыкновенно лежитъ на тазовыхъ костяхъ; онъ опоясывалъ нижнюю часть живота иногда въ два оборота и застегивался посредствомъ пряжки, рѣже завязывался узломъ.

Кольцеобразныя грудныя фибулы, спиральные и простые браслеты и даже шейныя кольца и гривны попадались также въ мужскихъ могилахъ. При мужскихъ скелетахъ кромѣ того встрѣчались ножи, ключи и кремни.

Стрѣлы, копья и дротики, равно топоры и лопатовидные кельты находились чаще съ правой, нежели съ лѣвой стороны скелета. Сабля найдена только однажды. Въ мужскихъ же могилахъ встрѣчены были бронзовыя ведра, рядомъ съ черепомъ; въ эти бронзовыя ведра иногда вложены деревянные сосуды, въ видѣ чашекъ и ковшей съ плоской ручкой; найдена также деревянная ложка. Деревянные предметы хорошо сохранились, благодаря мѣдной окиси. Одно изъ мѣдныхъ ведеръ снабжено вычурною арабскою надписью („благодать и счастье, и радость и слава и долгоденствіе да будетъ надъ обладателемъ"), которую покойный *Тизенхаузенъ* относитъ, по формѣ письма, не далѣе XI вѣка (XI—XIV в.). Найденныя въ могильникѣ подражанія арабскимъ диргемамъ VIII в. конечно не могутъ служить для опредѣленія древности Лядинскаго могильника, но возможно относить древнѣйшія погребенія его къ IX в. нашей эры.

Кромѣ погребенія, въ Лядинскомъ могильникѣ обнаружено въ 4 случаяхъ неполное и въ 12—полное трупосожженіе; въ первой категоріи исключительно — могилы женскія, во второй—лишь на половину. Женскія кости съ пепломъ разсыпались слоемъ отъ $^1/_2$ до 1 вершка, занимая въ длину отъ С. къ Ю. не болѣе 6 четвертей, а въ ширину до $2^1/_2$ четвертей. Кости перемѣшаны были иногда съ черепками глиняной посуды, но среди нихъ ни разу не замѣчено углей. Вещи находимы были поверхъ костей, въ видѣ безпорядочной кучи. Сверху всего этого находимы были остатки одежды, но ни войлока, ни остатковъ кожи, ни ремней въ этихъ погребеніяхъ не встрѣчено.

Принимая во вниманіе полное сходство нѣкоторыхъ предметовъ, напр. поясныхъ пряжекъ, съ таковыми же, находимыми въ Минусинскомъ округѣ, а также найденными мною близь Томска, вмѣстѣ съ китайскими монетами VII в. нашей эры, болѣе старыя погребенія Лядинскаго могильника можно отнести также къ VII или VIII в. и считать эти издѣлія привознымъ изъ Азіи фабрикатомъ, потому что нельзя предполагать, чтобы художественно-промышленная форма тѣхъ или иныхъ бронзовыхъ издѣлій могла быть совершенно самостоятельно выработана, до полнаго тожества во всѣхъ деталяхъ, въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ, отстоящихъ одна отъ другой на многія тысячи верстъ.

Вопросъ о народности погребенныхъ въ могильникѣ въ настоящее время можно рѣшать пока еще условно. Правда, археологъ *Аспелинъ* считаетъ этотъ могильникъ мордовскимъ, точно также мордовскимъ признаетъ и покойный проф. *Смирновъ*, относя его по недоразумѣнію къ довольно позднему времени. Такъ какъ территорія поселеній мордвы совпадаетъ въ значительной мѣрѣ съ территоріей народа *буртасъ*, какъ мы это увидимъ далѣе, при чемъ есть нѣкоторая возможность отожествлять эти два племени, то остается счесть Лядинскій могильникъ буртасско-мордовскимъ. Такъ какъ этотъ могильникъ далъ богатыя и раз-

нообразныя находки, то мы и остановились на немъ нѣсколько подробнѣе.

Въ 1890 г. въ Шацкомъ у. Тамбовской губ., въ с. *Ново-Темниковѣ* случайно открытъ былъ могильникъ такого же характера, какъ и Лядинскій. Въ Томниковскомъ могильникѣ скелеты лежали на спинѣ, съ вытянутыми вдоль туловища или сложенными на груди руками, а иногда были обернуты въ лубокъ. Такъ какъ правильныхъ раскопокъ здѣсь произведено не было, но не имѣтся свѣдѣній относительно оріентировки скелетовъ, а также относительно трупосожженія. Характеръ томниковскихъ находокъ совершенно тотъ же, что и въ Лядинскомъ могильникѣ, но нѣкоторыя изъ вещей отличаются тонкою работой, напр. бронзовая шейная гривна, напоминающая ожерелье изяшной греческой работы, найденное въ Ѳеодосіи. Быть можетъ, это послѣднее обстоятельство говоритъ за то, что Томниковскій могильникъ значительно старше Лядинскаго.

Изъ пензенскихъ доисторическихъ пунктовъ болѣе или менѣе сносно описаны два: могильникъ близь с. *Рыбкина* и *Ефаевскій* курганъ, оба въ Краснослободскомъ уѣздѣ.

Первый могильникъ довольно давно (въ 60-хъ годахъ), да и то лишь отчасти, изслѣдованъ *Ауновскимъ**). Курганное кладбище это тянется почти на 2 версты, представляя собою песчаную мѣстность съ небольшими возвышеніями, на подобіе кургановъ; подъ этими насыпями встрѣчались то погребенія, то остатки каменныхъ фундаментовъ и масса углей, перемѣшанныхъ съ обгорѣлымъ деревомъ, какъ бы свидѣтельствующихъ о какой-то катастрофѣ. Подъ верхнимъ песчанымъ слоемъ, въ песчано-глинистомъ грунтѣ, встрѣчаются гроба въ формѣ колодъ, въ которыхъ лежатъ скелеты, обращенные ногами къ С. Мужчины хоронились отдѣльно отъ женщинъ, въ особой половинѣ кладбища. О содержаніи мужскихъ могилъ *Ауновскій* не рас-

*) Памятная книжка Симбирской губ. на 1868-69 г. Стр. 92.

пространяется, ограничиваясь указаніемъ на кремневыя стрѣлы и желѣзныя копья, но отмѣчаетъ сравнительное богатство женскихъ могилъ, въ которыхъ онъ находилъ разноцвѣтныя бусы, вперемежку съ ужовками нанизанныя на бронзовую проволоку; на груди и на поясѣ встрѣчались различныя бляхи съ привѣсками. Слѣдовъ одежды не найдено, и только подъ нѣкоторыми скелетами уцѣлѣли остатки войлока. При всѣхъ женскихъ скелетахъ прекрасно сохранилась коса, намотанная на деревянную палку, а сверху круто обвитая мѣдной проволокой. Кое-гдѣ находимы были мѣдныя монетки овальной формы, съ отверстіемъ на одномъ концѣ; къ сожалѣнію, монеты не опредѣлены, да и самыя находки исчезли, неизвѣстно куда.

Относительно другого могильника, извѣстнаго подъ именемъ *Ефлевскаго* кургана, довольно жалкія свѣдѣнія сообщаетъ *Терехинъ**). Курганъ этотъ находится на отрогѣ крутой *Шаверской* горы и каждогодно подмывается весенней водой, причемъ обваливаются внизъ кости человѣка и животныхъ, украшенія сбруи, желѣзные топоры, бронзовые шейные обручи, серьги, ожерелья, различныя металлическія подвѣски, золотые браслеты и монеты. Къ сожалѣнію, всѣ эти находки пропадаютъ совершенно безслѣдно для науки.

Подобнаго же характера находки сдѣланы были въ Моршанскомъ у. (хранятся въ Московскомъ Истор. Музеѣ), но подробности объ этихъ находкахъ мнѣ неизвѣстны.

Обширныя, но малоизслѣдованныя кладбища находятся по рч. Самаркѣ (близь г. Самары), на урочищахъ *Ласка панда* (Власова гора) и *Верiезень панда* (Волчья гора), среди мордовскихъ поселеній. Изъ находокъ въ этой мѣстности замѣчательны своеобразные желѣзные кинжалы и мечи. Наконецъ, на дняхъ только получилъ я извѣстіе объ открытіи минувшимъ лѣтомъ въ 3 верстахъ отъ Са-

*) Пензенскія Губ. Вѣдом. 1890. № 272.

мары обширнаго могильника съ находками лядинскаго характера, который можетъ дать кое-что новое для выясненія мордовско-буртасской культуры.

Въ предѣлахъ Симбирской губ. болѣе или менѣе сносно обслѣдованъ *Муранскій* могильникъ, въ 30 верст. отъ Сызрани, на берегу р. Усы, обнаруженный совершенно случайно въ 1886 г., а раскопанный лишь въ 1890 г. *В. П. Поливановымъ.* На незначительной глубинѣ обнаружены были долбленые гроба, въ видѣ колодъ, въ которыхъ костяки лежали на правомъ боку, лицомъ на В. или на Ю.-З. Въ головахъ или въ ногахъ скелетовъ изрѣдка встрѣчались горшки изъ красной обожженной глины, а изъ вещей находимы были бусы, ножи, серебряныя подвѣски, кольца, пряжки, ожерелья изъ раковинъ, обрывки ткани, кожаная обувь и куски войлока. Убранство женской косы одинаково съ Лядинскимъ и Рыбкинскимъ могильниками. Подвѣски съ пряжками большею частью встрѣчались около пояса, а относительно стиля издѣлій Поливановъ замѣчаетъ, что металлическія вещи отчасти напоминаютъ болгарскія, отчасти мерянскія. Эпоху, къ которой относится могильникъ, въ нѣкоторой степени опредѣляетъ найденная при раскопкахъ надгробная плита съ арабской надписью и нахожденіе на противоположномъ берегу р. Усы остатковъ обширнаго поселенія съ развалинами башни, сложенной на подобіе башни на развалинахъ города Болгаръ.

Если мы обратимся къ территоріи, которая всѣми безспорно отводится буртасамъ, къ теперешней Саратовской губ., то можемъ констатировать, что на площади этой губерніи встрѣчается множество кургановъ, изъ которыхъ научно обслѣдованы весьма немногіе, по линіи Саратовско-Симбирской желѣзной дороги, въ уѣздахъ Аткарскомъ и Сердобскомъ. Курганы или „мары“ при сліяній рѣкъ Латрыка и Карамыша (у с. Б. Дмитріевки, Атк. у.) изслѣдовалъ въ 1887 88 г. г. *Волковъ.* Курганы эти имѣютъ видъ овала, длинная ось котораго вытянута съ З.

на В.; скелеты обращены ногами на В., а черепа лежатъ лицомъ на Ю. При скелетахъ трижды встрѣчены въ головахъ горшки, а среди металлическихъ украшенiй попадались фигуры верблюдовъ; послѣднему обстоятельству проф. Смирновъ придаетъ рѣшающее значенiе, такъ какъ Ибнъ-Даста въ числѣ домашнихъ животныхъ, разводимыхъ буртасами, называетъ и верблюдовъ...

Другой курганъ „Кудеяровъ обрывъ" (на р. Изнайрѣ, притокъ Хопра), изслѣдованный *Краснодубровскимъ*, далъ ничтожные результаты: обнаруженъ былъ склепъ, въ которомъ оказалось два костяка—одинъ головой на З., другой на В.

Рядомъ съ г. Саратовомъ на городищѣ *Увекъ* еще въ 1846 г. Саблуковъ встрѣтилъ погребенiя, орiентированныя съ С. на Ю. Въ 1879 г. здѣсь производилъ раскопки П. А. Пономаревъ; въ 1890 г. вновь изслѣдовали эту мѣстность кн. Голицынъ и Краснодубровскiй, но не нашли ничего новаго.

Такимъ образомъ, специально буртасскiй районъ не даетъ ничего рѣшающаго. Вопросъ о чисто буртасскомъ способѣ погребенiя остается открытымъ, по крайней мѣрѣ до новыхъ находокъ. Выводъ получается печальный.

Изучая разнообразныя черты погребенiя, обнаруженныя въ перечисленныхъ могильникахъ мордовскаго края, мы не видимъ сколько-нибудь опредѣленнаго порядка въ погребальныхъ обрядахъ. Въ самомъ дѣлѣ, умершiе хоронятся то въ сидячемъ положенiи, то на спинѣ, то на правомъ боку, а иногда подвергаются сожженiю; при этомъ направленiе скелета относительно странъ свѣта значительно видоизмѣняется. Могильная насыпь иногда достигаетъ почтенныхъ размѣровъ, иногда едва замѣтна. При скелетахъ въ однихъ случаяхъ встрѣчаются кости животныхъ и птицъ, представляющiя иногда остатки жертвенной трапезы; далеко не всегда при погребенiяхъ найдены горшки, но почти вездѣ встрѣчены болѣе или менѣе однообразныя подвѣсочныя украшенiя и другiя принад-

лежности костюма. Точно также убранство женскихъ косъ одинаково во всѣхъ этихъ могильникахъ.

Является вопросъ, всѣ-ли эти могильники принадлежатъ мордовскому племени? Если исходить изъ принципа однообразія похоронныхъ обрядовъ, то придется отвѣтить отрицательно; но если мы примемъ во вниманіе, что мордовское племя занимаетъ эту огромную территорію въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, то разнообразіе погребальныхъ обрядовъ объяснится для насъ тѣми разнообразными вліяніями, которыя мордовское племя испытывало въ теченіе многихъ вѣковъ отъ сосѣднихъ, въ политическомъ смыслѣ болѣе сильныхъ народовъ.

Профессоръ *Аспелинъ* въ III вып. своего труда „Antiquités du Nord finno-ougrien“ относитъ Лядинскій могильникъ къ остаткамъ древне-мордовской культуры и сливаетъ эту культуру воедино съ культурой муромы (вѣрнѣе съ находками близь г. Мурома), прибавляя при этомъ, что онъ не видитъ основаній, по которымъ можно было бы выдѣлять мурому въ особое племя, тѣмъ болѣе, что мордва жила по р. Цнѣ еще въ историческую эпоху. Правда, противъ Аспелина говоритъ извѣстіе Начальной лѣтописи: „мурома — языкъ свой“; но, къ сожалѣнію, анализируя мѣстныя хорографическія названія, мы не нашли слѣдовъ особаго „муромскаго языка“, потому что онъ, очевидно, представлялъ собою лишь слабое діалектическое отличіе отъ языка мерянъ. Точно также очень слабо мотивировано предположеніе г. Ястребова, что Лядинскій могильникъ принадлежитъ мещерскому племени. Нѣтъ сомнѣнія, что, тѣснимая русскою колонизаціей изъ предѣловъ Рязанской губ., мещера двигалась по Цнѣ въ предѣлы нынѣшнихъ Тамбовской и Пензенской губ.; но мещера, съ лингвистической точки зрѣнія, является для насъ столь же загадочной, какъ и мурома. Между тѣмъ хорографическіе слѣды мордвы настолько обширны въ среднемъ теченіи и даже въ верховьяхъ р. Оки, особенно въ Тульской губ., что на счетъ численнаго ея преобладанія въ данной мѣст-

ности не можетъ быть никакого сомнѣнія; при этомъ, разумѣется, не слѣдуетъ игнорировать того обстоятельства, что при изученіи мордовскихъ погребальныхъ обрядовъ необходимо имѣть въ виду сначала хазарское, потомъ болгаро-татарское вліяніе.

Но имѣются еще нѣкоторые признаки, по которымъ можно рѣшить вопросъ о принадлежности мордовскому племени того или иного мѣста погребенія. Несомнѣнно мордвѣ принадлежатъ всѣ тѣ кладбища, на которыхъ мѣстное мордовское населеніе до сихъ поръ совершаетъ поминки въ честь отдаленныхъ предковъ; мордвѣ же принадлежатъ всѣ могилы, за которыми до сихъ поръ сохранилось общемордовское названіе *калма*, мокш. *калма-пезыр*, *калмын-шуви*, или эрз. *калмытся*, *калмозерь* (кладбище); очень можетъ быть, что большинство тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ курганныя насыпи называются „мары“ (отъ морд. *мар*—куча, насыпь), имѣли въ древности мордовское населеніе.

Эти мары, болѣе или менѣе многочисленное скопленіе коихъ у мокши называется *калма-лапа* (погребальное поле), пользовались особымъ почитаніемъ у мордвы, которая, наравнѣ съ черемисами, приносила въ жертву своимъ предкамъ около этихъ маровъ лошадей и быковъ черезъ извѣстные крупные промежутки времени, причемъ всякій разъ добавлялась насыпь на курганѣ. Въ „Актахъ Московскаго государства“ (т. I, стр. 296) напечатана между прочимъ отписка алатырскаго воеводы отъ 1629 г., по поводу вооруженнаго столкновенія инородцевъ съ русскими во время поминокъ, совершавшихся на одномъ изъ подобныхъ маровъ.

Мордвинъ Андрюшка Игнатовъ показалъ по своей вѣрѣ, по шерти: „въ тотъ день была де деревни Старыхъ и Новыхъ Чукалъ у мордвы передъ ихъ родителями мольба, по вѣрѣ осыпали землею маръ. Была де такая мольба на передъ сего лѣтъ съ пятьдесятъ и больше, а русскіе всякіе люди тутъ пріѣзжали и смотрѣли, какъ они по своей вѣрѣ землею мары осыпали“...

Изслѣдованіе позднѣйшихъ мордовскихъ могильниковъ въ Симбирской губ., произведенное *С. М. Чупуновымъ*, показало, что въ XVII в. мордва хоронила покойниковъ въ неглубокой могилѣ, дно которой выстилалось берестой, а положенный на спину трупъ прикрывался досками; при этомъ эрзя обращала покойника ногами къ Ю., а мокша —ногами къ С. Во всѣхъ такихъ могилахъ найдены въ головахъ кости птицъ, а иногда еще и глиняный горшокъ.

Совокупность археологическихъ и хорографическихъ данныхъ, какъ кажется, даетъ возможность притти къ заключенію, что мордва является древнѣйшимъ населеніемъ отмѣченнаго нами района. При занятіи этой окраины она столкнулась въ предѣлахъ Рязанской губ. съ остатками лапландцевъ и, оттѣсняя ихъ на сѣверъ, продвинулась въ предѣлы Тверской губ.; но затѣмъ, подъ напоромъ мери съ одной стороны, западныхъ финновъ и литвы съ другой, должна была спуститься до р. Оки, на лѣвомъ берегу которой сохранилось очень много хорографическихъ слѣдовъ ея пребыванія. На берегахъ Оки долго тянулась упорная борьба за преобладаніе столь удобнымъ путемъ сообщенія, о чемъ свидѣтельствуютъ оба берега этой рѣки, гдѣ въ среднемъ на каждыя три версты приходится по одному городку. Берега Оки заняты были мордвою еще въ ту пору, когда она пребывала въ каменномъ вѣкѣ; совмѣстно со своими сосѣдями мордва пережила каменный вѣкъ на верхней и средней Окѣ и познакомилась съ бронзой и желѣзомъ, подъ вліяніемъ мери, литвы и западныхъ финновъ.

Кто были буртасы?

Первымъ, достовѣрно извѣстнымъ намъ послѣ гунновъ, тюркскимъ племенемъ, съ которымъ столкнулась мордва, были волжскіе болгары; въ концѣ V в. (около 482 г.) часть ихъ поселилась у береговъ Дуная, другая часть поднялась по Волгѣ на сѣверъ, въ теперешнюю Казанскую губ., гдѣ

съ IX в. дѣлается хорошо извѣстной, благодаря торговымъ сношеніямъ съ арабами. Въ VII на нижней Волгѣ появляются хазары, заступившіе мѣсто аваровъ, которые разъединили двѣ вѣтви болгаръ. Хазары представляли собою смѣсь тюркскаго элемента съ еврейскимъ и, по мнѣнію *Френа*, даже съ финнскимъ. Въ теченіе полутора вѣковъ хазары ведутъ постоянную борьбу на Югѣ съ арабами, которые стремятся прорваться черезъ Кавказъ въ низовья Волги, на З. со славянами и на С. съ болгарами. Сплотившись съ сосѣдними финнскими племенами, болгары образовали могущественный союзъ, который нѣсколько столѣтій держалъ въ своихъ рукахъ всю среднюю Волгу съ низовьями рр. Оки, Камы и Вятки и руководилъ всею торговлей сѣверо-восточной Руси съ отдаленнымъ Востокомъ. Мордва съ этихъ поръ начала испытывать двойственное вліяніе: южная ея вѣтвь подпала вліянію хазаръ, тогда какъ сѣверная находилась въ зависимости отъ болгаръ. Но арабскіе историки сравнительно немного говорятъ объ эрзянскомъ племени, совсѣмъ мало о каратаяхъ и, наоборотъ, очень много повѣствуютъ о *буртасахъ*, начиная съ араба Ибн-Даста. Много было споровъ о народности буртасъ, которыхъ одни считаютъ тюрками, другіе мещерой и даже мордвой. Наиболѣе распространено послѣднее мнѣніе и оно заслуживаетъ полнаго нашего вниманія: въ самомъ дѣлѣ, если буртасы и мордва — одинъ и тотъ же народъ, то мы можемъ начать достовѣрную исторію мордвы по крайней мѣрѣ съ IX в.

Болѣе раннія извѣстія о буртасахъ даетъ арабскій компиляторъ Ибн Даста, писавшій ранѣе 913 г. По его словамъ, земля буртасъ лежала къ С. отъ хазарской, въ разстояніи 15 дней пути, простиралась на 17 дней пути въ длину и ширину и граничила на протяженіи трехъ дней пути съ землею болгаръ; страна эта отличалась ровной поверхностью, а изъ деревьевъ всего больше встрѣчался въ ней халенджъ (береза). Кромѣ болгаръ и хазаръ, зъ сосѣдствѣ съ буртасами жили печенѣги, и бур-

тасы вели постоянную борьбу съ двумя послѣдними народами. Буртасы занимались земледѣліемъ, имѣли стада верблюдовъ и рогатаго скота, а въ лѣсахъ собирали много меду; но главное богатство ихъ заключалось въ мѣхахъ куньихъ и лисьихъ, въ томъ, что восточные писатели называли словомъ „буртасіе". Царей или князей у нихъ не было, но въ каждомъ селеніи имѣлось по одному или по два старшины, которые и производили судъ и расправу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда буртасы признавали надъ собою власть хазарскаго царя, они выставляли на помощь ему конницу въ 10 тысячь всадниковъ. Вѣра буртасъ была похожа на вѣру кочевниковъ гузовъ (половцевъ), а покойниковъ своихъ одни изъ нихъ хоронили въ землю, другіе сожигали.

Столь неточное опредѣленіе границъ занятой буртасами территоріи, какое мы находимъ у Ибн-Даста, даетъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Болгарское царство занимало лѣвый берегъ р. Волги и устье Камы; на лѣвомъ же берегу Волги помѣщаетъ Ибн-Даста и хазаръ, на С. отъ которыхъ, вплоть до болгарскихъ владѣній, простирались буртасскія земли. Извѣстія другого арабскаго писателя *Масуди* также говорятъ какъ будто въ пользу того, что буртасы жили на лѣвомъ берегу Волги. Разсказавши о битвѣ, которая произошла между хазарами и руссами подлѣ Итиля, на устьѣ р. Волги, Масуди дополняетъ, что послѣ трехдневной битвы только 5 тысячь руссовъ спаслись и на судахъ отправились въ страну, примыкающую къ странѣ Буртасъ, гдѣ укрѣпились на сушѣ; но одни изъ нихъ были перебиты буртасами, другіе попали въ неволю къ болгарамъ и тамъ погибли. Покойный проф. Смирновъ, основываясь на этомъ мѣстѣ Масуди, утверждаетъ, что битва произошла на правомъ берегу Волги, подлѣ ея устья, что потомъ руссы спаслись на лѣвый берегъ этой рѣки и очутились въ землѣ буртасъ, откуда они пытались пробраться до г. Болгара. Но здѣсь Смирновъ слишкомъ произвольно понимаетъ слова Масу-

ди, у котораго нѣтъ и рѣчи о лѣвомъ берегѣ р. Итиля; недоразумѣніе произошло отъ того, что Смирновъ довѣрился неточному пересказу извѣстія Масуди, приводимому оріенталистомъ *Григорьевымъ*.

Масуди даетъ также нѣкоторое указаніе и на страну, населенную буртасами; по его словамъ, буртасы жили по берегамъ рѣки, вытекающей изъ окрестностей Булгарской страны и впадающей въ Волгу выше Итиля; этой рѣкѣ дали они свое имя, и по ней плавали суда хазаръ и болгаръ. Комментаторы Масуди принимаютъ за р. *Буртасъ* то Оку, то рч. *Буртасъ* на границѣ Пензенской и Тамбовской губ. Но Волга только въ нижнемъ теченіи называлась *Итиль*, и мы не знаемъ тюркскаго названія для р. Волги сѣвернѣе болгарскихъ предѣловъ; съ другой стороны рч. Буртасъ, ничтожная сама по себѣ (длина ея 39 в.) впадаетъ въ р. Вышу, Выша въ р. Цну, а послѣдняя въ Мокшу, притокъ Оки, и очень можетъ быть, что именно эта послѣдняя рѣка у арабскихъ писателей носила названіе Буртаса.

Другой арабскій писатель *Эль-Балхи* говоритъ о буртасахъ: „буртасы народъ, который сосѣдитъ съ хазарами; между ними и хазарами нѣтъ никакого другого народа. Они живутъ разбросанно тамъ и сямъ при рѣчкѣ Итилѣ“. Но какъ невозможно предположить, чтобы хазары, обложивъ данью всю Русь, поселились только на лѣвомъ берегу р. Волги, также точно невозможно помѣщать и буртасъ на лѣвомъ безлѣсномъ берегу Волги, гдѣ нельзя было добывать мѣховъ, которыми славилась страна буртасъ. Помимо этого, не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что въ трехъ губерніяхъ Средняго Поволжья находимъ мы цѣлый рядъ селеній, урочищъ и рѣкъ съ именемъ *Буртасъ*, именно:

Въ *Пензенской* губ.: *Буртасъ* Керенск. у. 626 и 641.
Буртасъ большой Керенск. 652.
Буртасъ новый (малый) Керенск. 618.
Буртасы Краснослоб. 885.

Всѣ эти селенія расположены на рч. *Буртасъ*.

Въ *Казанской* губ.: *Буртасъ* Цивильск. 2772 и 2781.
Буртасъ-кассы Ядринск. 3931.
Буртасы Ядр. 3930, Цив. 2782, Спасск. 1496 и 1512.
Буртасы большіе Тетюшск. 1918, — *малые* 1917.
Буртасы нижніе Спасск. 1511.
Буртасы полевые Тет. 2099.
Въ *Тамбовской* губ. рч. *Буртасъ*, притокъ р. Выши у с. *Матчерки* 2286.

Такой фактъ не можетъ быть дѣломъ случая, но въ немъ слѣдуетъ видѣть отраженіе историческихъ судебъ этого края. Исходя изъ данныхъ хорографической номенклатуры, возможно заключить что страна буртасъ главнымъ образомъ занимала не лѣвый, а правый берегъ Волги въ губ. Казанской (именно уѣзды Цивильскій, Ядринскій и Тетюшскій) и чрезъ Симбирскую губернію тянулась на западъ, въ бассейны рѣкъ Суры и Мокши, т. е. въ Пензенскую и Тамбовскую губ. Преобладающее населеніе этого края въ настоящее время составляетъ мордва; на С., до предѣловъ Симбирской губ., живетъ *эрзя*, на Ю. и З. - *мокша*; третье племя *каратаи* совершенно отатарилось, и только въ языкѣ каратайцевъ уцѣлѣли еще въ нѣкоторой степени мордовскіе элементы. Наконецъ, главнѣйшимъ доказательствомъ того, что буртасы обитали на правомъ берегу Волги, служитъ отмѣченное арабами богатство ихъ мѣхами чернобурыхъ лисицъ, которыя не могли водиться на степной сторонѣ Волги, въ теперешней Самарской губ., гдѣ у буртасовъ могли быть только лѣтнія становища и кочевья.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что въ то время какъ арабы говорятъ о буртасахъ и не знаютъ мордвы, западные писатели и русская лѣтопись на той же территоріи знаютъ мордву, но не знаютъ буртасъ; выходитъ такимъ образомъ, что въ одно и тоже время буртасы жили тамъ, гдѣ жила мордва—мокша. Въ пользу отожествленія этихъ племенъ можно указать на то, что буртасы говорили особымъ языкомъ, не похожимъ ни на булгарскій, ни на хазарскій; оба эти племени занимались охотой и земледѣліемъ. Противъ этого можно выставить соображеніе

проф. Смирнова, что языкъ буртасъ, не походя на булгарскій и хазарскій языки, могъ и не быть мордовскимъ, а чувашскимъ, который представляетъ столь сильныя фонетическія отклоненія отъ всѣхъ тюркскихъ языковъ. Картина мордовскаго быта, которую рисуетъ намъ въ XIII в. путешественникъ *Рюбрукъ*, по весьма понятной причинѣ не во всемъ совпадаетъ съ картиною быта буртасъ у арабскихъ писателей, потому что извѣстія эти раздѣляетъ огромный промежутокъ, обнимающій почти 4 столѣтія.

„За Дономъ къ С., читаемъ мы у Рюбрука, идутъ громадные лѣса, въ которыхъ живутъ два народа. Moksel (мокша)—чистые язычники, не знающіе законовъ; они не имѣютъ городовъ и живутъ въ шалашахъ (in casulis) среди лѣсовъ; у нихъ имѣются въ изобиліи свиньи, медъ и воскъ, драгоцѣнные мѣха и соколы. За ними живетъ другой народъ, который называется merdas, а у латынянъ—morduini (по другимъ спискамъ—mardues, mardes): они—сарацины (т. е. мусульманскаго закона)".

Кромѣ географическихъ данныхъ, въ пользу тожества мордвы и буртасъ говоритъ масса документовъ XVI и XVII в., въ которыхъ, какъ отголосокъ глубокой древности, встрѣчаются неоднократно выраженія; „буртасская дорога, буртасскіе ухожеи". Въ *Степенной книгѣ* буртасы упоминаются въ числѣ народовъ, которые были покорены татарами. Въ грамотѣ царя Ѳеодора Алексѣевича на имя стольника кн. Кугушева (1682 г.) велѣно кадомскому воеводѣ Засѣцкому изготовить „новокрещенымъ и мордвѣ и буртасамъ имянные списки и ясачныя книги, по чему съ буртасъ и мордвы сбираютъ ясакъ и посопной хлѣбъ и медвяной оброкъ". Въ Алатырскомъ у. мордва жила также смѣшанно съ буртасами, что видно изъ писцовой книги „письма и мѣры Пушечникова до подьячаго Костяева" 1624—26 г. Алатырскій у. въ XVII в. имѣлъ огромные размѣры и заключалъ въ себѣ весь нынѣшній Ардатовскій у. и часть Курмышскаго и Лукояновскаго. Такимъ образомъ, начиная съ XVI в., имя буртасъ пріобрѣтаетъ нѣ-

которое этнографическое значеніе: рядомъ со словомъ буртасъ мы встрѣчаемъ терминъ „посопные татаровя"; значитъ къ XVII в. буртасы настолько отатарились, что писцы отличали ихъ отъ татаръ только тѣмъ, что буртасы платили т. наз. посопный хлѣбъ. Симбирскіе акты опредѣленно указываютъ нѣсколько деревень, населенныхъ буртасами; то были:

Старое Янышево Буинск. 795. *Тешякова* } теперь не существуютъ
Нагаева Карсунск. 1005. . – *Беремшина* }
Алтышева Алатыр. 256.

Въ началѣ XVII в. буртасская окраина (по писцовой книгѣ Пушечникова) представляется на половину опустѣвшей, а въ серединѣ этого столѣтія буртасы исчезаютъ невѣдомо куда. Анализируя географическія названія буртасскаго района, мы наталкиваемся на цѣлый рядъ своеобразныхъ названій рѣкъ съ оригинальнымъ окончаніемъ *черма*, *серма*, *сюрма*, *селма*. Слова эти, по мнѣнію проф. *Смирнова*, всего ближе напоминаютъ чувашское *сырма* —оврагъ. Только *сюрма* легко счесть за чувашское слово, но скорѣе всего оно представляетъ искаженіе мокш. слова *сӧрма* (узоръ, вышивка); *серма* можно уже считать производнымъ отъ эрз. *серя*—жолудь, а *селма* вполнѣ соотвѣтствуетъ эрз. *сельме* глазъ, родникъ, *черма* эрз. *чурамо*—урина.

Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Смирнова, выходитъ, что какъ будто посопные татары, буртасы и чуваши оказываются въ очень близкомъ родствѣ, т. е., казалось бы, можно выдвинуть старую гипотезу *Сбоева* *), обставивши ее новыми доказательствами; но дѣло въ томъ, что эту гипотезу, основываясь на архивныхъ данныхъ, можно выдвигать только для очень поздняго времени, не ранѣе XVII в. Отожествляя буртасъ съ чувашами, покойный проф. *Смирновъ* допускаетъ, что буртасы передвинулись на правый берегъ Волги, будучи увлечены въ половинѣ XI в. переселеніями половцевъ въ южно-русскія степи, тогда какъ Сбоевъ предполагаетъ обратное передвиженіе (стр. 186). Но русскія лѣто-

*) *Сбоевъ.* Изслѣдованія объ инородцахъ Каз. губ. Казань. 1856. Стр. 177—188

писи, довольно пространно разсказывая о столкновеніяхъ съ половцами, ни слова уже не говорятъ о буртасахъ; поэтому намъ думается, что нельзя излагать судьбу извѣстнаго племени на основаніи однихъ только соображеній, безъ всякихъ фактическихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ не сдѣлано самой важной работы не выдѣлены въ языкѣ мордвы всѣ заимствованные элементы.

Мордва передъ татарскимъ нашествіемъ.

Перейдемъ теперь къ обзору лѣтописныхъ извѣстій о мордвѣ. Столкновенія съ мордвой въ предѣлахъ средней Оки безъ сомнѣнія начались очень рано, но Начальная лѣтопись всего однажды упоминаетъ о ней подъ 1103 г., когда муромскій князь Ярославъ Святославичъ имѣлъ неудачную стычку съ мордвой и потерпѣлъ отъ нея пораженіе 4 марта. Дальнѣйшія извѣстія по этому вопросу почерпаемъ мы изъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, которая подъ 1172 г. сообщаетъ, что владимірскій князь Андрей отправился противъ болгаръ съ сыномъ рязанскаго князя; войско шло неохотно, потому что была зима и путь былъ очень труденъ. Въ Городцѣ поджидалъ ихъ князь Мстиславъ со своей дружиной цѣлыхъ двѣ недѣли и, не дождавшись, вторгся въ мордовскіе предѣлы; ему удалось взять 7 селеній и 1 городокъ, причемъ всѣ мужчины были перебиты, а женщины взяты въ плѣнъ. Но болгары, провѣдавъ о малочисленности Мстиславова отряда, быстро появились на мѣстѣ дѣйствія и едва не захватили смѣльчаковъ.

Изъ этого слѣдуетъ заключать, что городецкій князь дѣйствовалъ по близости отъ устья Оки, въ предѣлахъ эрзянской территоріи, которая въ ту пору находилась въ зависимости отъ болгаръ, державшихъ въ своихъ рукахъ правый берегъ Волги, на З. отъ р. Суры. Извѣстія Лаврентьевской лѣтописи заканчиваются 1226 г., подъ которымъ указанъ походъ на мордву кн. Ивана, брата

Юрія Святославича; экспедиція эта закончилась взятіемъ и разграбленіемъ нѣсколькихъ мордовскихъ селеній.

Въ XIII в. совершилось важное событіе -былъ основанъ въ 1212 г. великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ *Нижній-Новгородъ*, и отнынѣ всѣ мѣстныя событія довольно подробно начали отмѣчаться въ Нижегородскомъ лѣтописцѣ. Въ 1227 г. вел. князь прогналъ отъ Нижняго мордву, раззорилъ ихъ селенія и зимницы, а сынъ его кн. Константинъ Юрьевичъ стоялъ уже во главѣ Нижняго-Новгорода и Городца; онъ разрѣшилъ русскимъ селиться по Окѣ, по Волгѣ и по Кудьмѣ и занимать оставленныя мордвой селенія. Начиная съ этого времени, лѣтописныя извѣстія о мордвѣ становятся богаче бытовыми чертами.

Въ январѣ 1229 года вел. князь Юрій задумалъ грандіозный походъ на мордву; въ помощь ему выступилъ муромскій князь Юрій Владиміровичъ, который вторгся въ Пургасову волость, выжегъ селенія, истребилъ хлѣбные запасы и скотъ и забралъ большой полонъ; мордва разбѣжалась по лѣсамъ и заперлась въ своихъ городкахъ. Сопровождавшіе Юрія молодые князья необдуманно ударились въ лѣсъ для истребленія мордвы, но мордва обошла ихъ, внезапно напала и истребила. Такъ какъ мордовскій князь *Пургасъ* былъ сторонникомъ болгаръ, то болгарскій князь напалъ было на *Пуреша*,ротника князя Юрія, но, узнавши объ успѣхахъ великаго князя, бѣжалъ назадъ. Нападенія на мордовскія волости Пургаса объясняются тѣмъ, что въ апрѣлѣ 1225 г. Пургасъ дѣлалъ нападеніе на Н. Новгородъ, но былъ отбитъ. Сынъ Пуреша въ союзѣ съ половцами напалъ на Пургасову мордву и истреблялъ ее безъ разбора вмѣстѣ съ русскими колонистами, которые мирно жили въ мордовскихъ предѣлахъ; самъ Пургасъ едва спасся.

Послѣднее извѣстіе о столкновеніи съ мордвою передъ татарскимъ нашествіемъ относится къ 1232 г., когда татары появились уже на границѣ Болгарской земли; въ

союзѣ съ муромскимъ и рязанскимъ князьями в. кн. Юрій выжегъ много селеній и истребилъ массу мордвы, а подъ 1239 годомъ читаемъ мы въ лѣтописи грустную замѣтку: „взяша татарове землю мордовскую и Муромъ пожгоша и по Клязьмѣ воеваша".

Какъ ни скудны извѣстія нашихъ лѣтописей о дотатарскомъ періодѣ въ исторіи мордвы, все же они даютъ нѣкоторое понятіе о мордовской культурѣ въ концѣ XII и началѣ XIII в. Сѣверная мордва, пограничная съ Муромомъ и Нижнимъ, выступаетъ передъ нами народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ. Характеръ страны вполнѣ благопріятствовалъ осѣдлой жизни. У мордвы были большія селенія, съ болѣе или менѣе удобно выстроенными избами, въ которыхъ она проводила зиму, почему селенія эти и назывались „зимницами"; эти селенія окружены были хлѣбными полями и выгонами для скота. Въ лѣтнее время мордва выселялась изъ своихъ зимнихъ жилищъ и въ легкихъ постройкахъ (морд. *шалаша*) ютилась около хлѣбныхъ полей или разнообразныхъ своихъ ухожаевъ. Для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, которыми являлись на С.—русскіе, на Ю.—половцы, а на В.—болгары, мордва имѣла окруженные высокимъ валомъ городки (*ош*), а въ лѣсахъ устраивала тверди (засѣки), въ которыхъ и укрывалась отъ непріятельскаго нашествія, покидая свои дома и имущество.

Въ политическомъ отношеніи мордовская земля дѣлилась на области; такъ въ XII в. и въ началѣ XIII в. на С.З. у мордвы эрзи находимъ мы область Пургасову. Въ концѣ XII в. эрзя была настроена враждебно противъ русскихъ князей, но это не мѣшало эрзѣ вполнѣ дружелюбно относиться къ русскимъ колонистамъ изъ сосѣдняго Муромскаго княжества, которыхъ было такъ много, что на эрзянской территоріи образовалась Пургасова Русь. На Ю., въ области мокши, русское вліяніе чувствовалось значительно сильнѣе, такъ какъ рязанскіе князья рано захватили въ свои руки все нижнее теченіе р. Мокши и имѣли въ Кадомѣ своихъ особыхъ тысяцкихъ, одинъ изъ

которыхъ былъ убитъ въ 1209 г. Въ области мокши слѣдуетъ искать Пуреша, ротника в. кн. Юрія. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что на Пуреша дѣлалъ нападеніе кн. болгарскій и что сынъ Пуреша, въ союзѣ съ половцами, нападалъ на Пургаса, нужно думать, что владѣнія мордвы-мокши сѣверной границей соприкасались съ владѣніями болгаръ, а на Ю.В. сливались съ половецкими степями.

Мордва до и послѣ взятія Казани.

Татарское нашествіе круто измѣнило положеніе мордвы-мокши; мужское населеніе, способное носить оружіе, вмѣстѣ съ половцами увлечено было на западъ, о чемъ говоритъ Рюбрукъ; мокша ослабѣла, и территорію ея постепенно начали занимать татары, подвергнувъ ее опустошенію въ 1288 г. Черезъ десять лѣтъ выходецъ изъ Большой Орды, Ширинскій князь *Бахметъ* захватилъ въ свои руки земли по рр. Цнѣ и низовьямъ Мокши; въ половинѣ XIV в. верхнимъ теченіемъ р. Мокши близь Наровчата овладѣлъ мурза *Тагай*, выходецъ изъ Бездежа (подлѣ Астрахани). Этотъ Тагай основалъ Наручацкое княжество и былъ настолько силенъ, что въ 1365 г. напалъ на Переяславль Рязанскій. На среднемъ теченіи р. Мокши, отъ Кадома до Наровчата, утвердились другіе татарскіе выходцы; такъ, близь г. Темникова, вплоть до 1535 г., на мѣстѣ сел. Городище, стоялъ старый Темниковъ, принадлежавшій мурзамъ Еникѣевымъ и Тенишевымъ, а въ 15 верст. отъ г. Краснослободска, на мѣстѣ нынѣшняго сел. Ефаева, было становище татарскихъ мурзъ Ефая и Тениша.

При каждой изъ своихъ резиденцій мурзы устраивали укрѣпленные городки, которыхъ особенно много было въ Тамбовской губ. Среди мордвы-эрзи равнымъ образомъ водворились татарскіе князья; извѣстны ихъ резиденціи на берегу р. Теши въ Саканахъ, въ Арзамасѣ и на р.

Пьянѣ, близь с. Барнукова. Значительная часть мордовской территоріи оказалась такимъ образомъ въ рукахъ татарскихъ князьковъ. Увлекаясь ихъ примѣромъ, мордовскіе князьки и старѣйшины старались укрѣпить за собою свои земельныя владѣнія, вступая въ подчиненное отношеніе къ татарскимъ мурзамъ и получая клочки мордовской земли въ наслѣдственное владѣніе; такіе клочки назывались *белякъ* (отъ татарскаго слова *билйк*). Иногда мелкіе владѣльцы, за извѣстныя услуги татарамъ, получали полную свободу отъ всякихъ платежей въ пользу татаръ, т. е. дѣлались *тарханами*. Старые документы отмѣчаютъ значительное количество подобныхъ беляковъ и тархановъ въ предѣлахъ Пензенской, Симбирской, Казанской и Нижегородской губб. Съ теченіемъ времени мордовскіе князьки успѣли обратиться въ станичныхъ мордовскихъ мурзъ, а позднѣе, съ присоединеніемъ этого края къ Москвѣ, мордовскіе мурзы, поступая въ разрядъ служилыхъ людей, въ значительной степени комплектовали московское дворянство.

Насчитывается 55 княжескихъ родовъ мордовскаго и мордовско татарскаго происхожденія (напр. Девлеткильдѣевы, Еделевы, Енгалычевы, Еникѣевы, Кильдюшевы, Кугушевы, Кудашевы, Куломзины, Максутовы, Тенишевы, Чевкины, Чегодаевы, Шугуровы и др.), изъ которыхъ одни пользуются княжескимъ титуломъ, другіе только считаютъ себя князьями. Мордовское племя разбилось такимъ образомъ на массу отдѣльныхъ мелкихъ владѣній, причемъ мокшею на Ю. владѣли преимущественно татарскіе князьки, а эрзей—чаще свои мордовскіе; тѣ и другіе платили въ орду ясакъ и отстаивали татарскіе интересы. Съ основаніемъ Нижняго-Новгорода началась продолжительная борьба съ эрзянскимъ племенемъ; но уже въ половинѣ XIV в. треугольникъ, образуемый рр. Окой, Волгой и Кудьмой, т. е. исконныя эрзянскія владѣнія, занятъ былъ русскими переселенцами изъ Суздаля и другихъ верховыхъ

земель, а эрзя вынуждена была отступить на Ю. и В., въ бассейнъ р. Теши и Пьяны.

Съ этихъ поръ мордва надолго становится во враждебное отношенiе къ русскимъ, въ критическiе моменты прибѣгая къ помощи татаръ, при содѣйствiи которыхъ она ведетъ борьбу съ Нижегородскимъ княжествомъ. Во второй половинѣ XIV в. подъ стѣнами Нижняго неожиданно появилось мордовское войско. Нападенiе было отбито; нижегородцы вмѣстѣ съ московскими войсками вторглись сами въ мордовскую землю и произвели въ ней страшное опустошенiе; приведя съ собой въ Нижнiй множество плѣнныхъ, они предавали ихъ мучительнымъ пыткамъ, травили собаками, а затѣмъ казнили. Мордва отвѣтила на это пораженiе черезъ 14 лѣтъ, при содѣйствiи татаръ. Въ 1377 г. на Нижнiй напалъ ордынскiй царевичъ *Арапша*; нижегородцы быстро соединились съ московскимъ князямъ и выступили противъ татаръ. Арапша уклонился отъ открытаго боя и отступилъ къ р. Пьянѣ. Обрадованные легкой побѣдой, нижегородцы забыли о непрiятелѣ и безпечно предались удовольствiямъ; мордовскiе князья подсмотрѣли это и дали знать татарамъ: послѣднiе кольцомъ окружили русское войско при содѣйствiи мордвы и вступили въ битву. Немногiе успѣли спастись отъ истребленiя.

Но этотъ жестокiй ударъ не остановилъ русскаго движенiя въ Нижегородскiй край, такъ какъ въ концѣ XIV в. русскiя селенiя появляются уже около устьевъ р. Суры. Куликовская побѣда послужила исходнымъ пунктомъ для собиранiя мордовскихъ земель Москвою, Нижегородскимъ и Рязанскимъ княжествами. Съ подчиненiемъ послѣднихъ Москвѣ, дѣло продолжалось въ прежнемъ направленiи. Присоединенiе къ Москвѣ мордовской территорiи состоялось тѣмъ легче, что у мордвы не было политическаго центра, похожаго на Болгаръ или Казань; мордовскiе князьки были слабосильны и власть ихъ сосредоточивалась, по-видимому, въ предѣлахъ небольшихъ родовъ, а

татарскіе мурзы держались другъ отъ друга обособленно; даже Наровчатъ (весьма удобный по своему географическому положенію для объединенія всей мокшанской страны въ однихъ рукахъ) въ эпоху кн. Тагая не имѣлъ особеннаго вліянія на судьбу мокши. Причина этого лежитъ, быть можетъ, въ томъ, что татарскіе князья оставили въ полной неприкосновенности мордовскіе обычаи и вѣрованія; такимъ образомъ, татарское владычество не произвело замѣтныхъ измѣненій въ мордовскомъ бытѣ. Съ начала XVI в. татарскіе князья изъ мордовскихъ предѣловъ начинаютъ переходить на службу въ Москву: въ 1539 г. кн. *Кугушевъ* первый подалъ тому примѣръ, а въ походѣ на Казань вмѣстѣ съ рускими войсками князь *Еникѣевъ* участвовалъ уже со своею мордвой.

Подчиненіе эрзи состоялось не раньше покоренія Казани. Русскіе войска двигались на Казань черезъ Муромъ и Саканскій лѣсъ, за которымъ начиналась эрзянская территорія. Мордовскія преданія разсказываютъ, что старики отдѣльныхъ деревень выходили на встрѣчу московскому царю и въ знакъ своего подчиненія выносили ему землю и песокъ. Съ покореніемъ Казани, судьба эрзи была окончательно рѣшена: въ то время какъ мокшанскіе мурзы, вступивши въ ряды русскаго служилого сословія, сохранили за собой земельныя владѣнія и право пользованія мордовскимъ ясакомъ, эрзянскіе князьки не догадались этого сдѣлать; поэтому съ областью эрзи поступлено было, какъ со страной завоеванной, и здѣшней мордвѣ пришлось пережить глубокія измѣненія въ своемъ бытѣ. Часть эрзянъ роздана была по жребію боярамъ, участвовавшимъ въ походѣ подъ Казань; другая часть вошла въ составъ царскихъ мордовскихъ вотчинъ, которыя потомъ щедро раздавались русскимъ помѣщикамъ-колонистамъ. Одной изъ главныхъ заботъ Грознаго царя было обрусѣніе вновь присоединенныхъ инородцевъ, а лучшимъ средствомъ для этой цѣли въ ту пору, какъ и теперь, считалось обращеніе въ христіанство, ради чего въ новопокоренной терри

торіи заводились монастыри, которымъ давались обширныя земельныя владѣнія, населенныя мордвою. Крещеніе было насильственное; оно сопровождалось уничтоженіемъ жертвенныхъ рощей и всякаго рода языческихъ святынь. На первыхъ порахъ, пока крестившіеся пользовались льготами отъ податей, мордва терпѣла эти насилія и не примыкала къ тѣмъ черемисскимъ бунтамъ, которыми черемисы отвѣтили въ Казанскомъ краѣ, еще при Грозномъ, на насильственное обращеніе ихъ въ христіанство. Бунты эти продолжались при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, но особенно обострились въ смутное время, когда потребовалось много денегъ и хлѣбныхъ запасовъ и были нарушены льготы, данныя новокрещенымъ инородцамъ: въ это время возмутилась и смирная дотолѣ мордва.

Размѣры территоріи, находившейся въ рукахъ мордвы, можно опредѣлить только приблизительно, вслѣдствіе ограниченности изданныхъ архивныхъ матеріаловъ.

Западная граница мордовскихъ поселеній кончалась на р. Окѣ, въ Муромскомъ лѣсу, гдѣ были ухожаи Алатырской мордвы. *Восточная* граница простиралась до р. Суры; восточнѣе Суры и далѣе на Ю. – по берегамъ Волги, вплоть до Самарской луки, отчасти и на лѣвомъ берегу,— мордва имѣла только бортные ухожаи. *Южные* предѣлы мордовской земли простирались до рр. Хопра и Тансырея, т. е. захватывали части нынѣшнихъ Воронежской и Саратовской губб.; здѣсь находились бортные ухожаи мордвы съ р. Цны, т. е. мокши, которая густо сидѣла по р. Цнѣ, въ предѣлахъ Тамбовскаго, Моршанскаго и Шацкаго уѣздовъ.

Къ XVI в., а особенно съ 1621 г., когда на р. Цнѣ основанъ былъ Мамонтовъ монастырь, мордва начала покидать южные предѣлы своей территоріи, отступая на В. и на С., такъ что въ первой четверти XVII в. на р. Цнѣ удержались только остатки былого мордовскаго населенія; та же участь постигла сосѣдній Керенскій у. „Керенскія земли, читаемъ мы въ челобитной кн. Кугушева, были

издревле татарскія и мордовскія... и бортные ухожеи въ дальнихъ годахъ, до поселенія города Керенска и Керенскаго уѣзду, имѣлись у мордвы по знамямъ... А какъ та мордва разошлась въ разные уѣзды, то уже тѣ земли розданы въ дачи разнымъ помѣщикамъ“... Во второй половинѣ XVII в. земли по р. Цнѣ и на В. отъ нихъ обширная площадь между рр. Вышей, Вадомъ, Вороной и Чембаромъ представляли изъ себя „дикое поле“, на которомъ виднѣлись развалины бывшихъ мордовскихъ поселеній, ихъ кладбища и городища; на этомъ дикомъ полѣ получили вотчины Чернѣевскій монастырь и Вышенская пустынь (то и другое въ Шацкомъ у.), а также Кирилловъ монастырь (Спасск. у.). Такое запустѣніе мордовской окраины вызвано было между прочимъ появленіемъ въ степяхъ калмыковъ и крымскихъ татаръ; но главнымъ образомъ мордва спасалась бѣгствомъ отъ насильственнаго обращенія въ христіанство.

Въ предѣлахъ намѣченной выше территоріи земля состаляла достояніе мелкихъ мордовскихъ общинъ, съ князьками или мурзами во главѣ; значительная часть помѣстныхъ владѣній приходилась на долю бывшихъ мурзъ, ведшихъ свое происхожденіе еще съ эпохи татарскаго владычества. Количество подобныхъ инородческихъ землевладѣльцевъ довольно трудно опредѣлить. Документы Алатырской приказной избы указываютъ подобныхъ мурзъ около дер. *Лунги* (на р. Алатырѣ), къ которымъ принадлежалъ Тепай мурза *Тинюшевъ*, сынъ княжъ Керждеевъ. Далѣе по теченію р. Алатыря, на мѣстѣ нынѣшняго г. *Ардатова* Симб. г., сидѣли кн. *Еделевы*. Къ числу мордовскихъ мурзъ племени эрзя принадлежитъ современная фамилія кн. *Баюшевыхъ*, за которыми уже въ XVI в. числилось помѣстье *Княжая гора* въ Курмышскомъ у. и дер. *Рындина* въ Алатырскомъ у. Въ смутное время Баюшъ Разгильдеевъ собралъ алатырскихъ мурзъ и мордву, ходилъ противъ ногайцевъ и дважды бился съ ними на р. Пьянѣ; за это

при воцареніи Михаила Ѳеодоровича онъ утвержденъ былъ въ княжескомъ достоинствѣ.

Вверхъ по Сурѣ, около *Промзина городища*, упоминается цѣлая группа деревень, въ которыхъ сидѣли станичныя мордовскіе мурзы. Изъ актовъ, переданныхъ покойнымъ *Бѣлокрысенко* Казанскому Археолог. Общ., видно, что въ Алатырскомъ у. были владѣнія мордовскаго мурзы Ѳедора *Бакшаева*; подобные же мурзы указываются на рч. Сарѣ, затѣмъ въ нынѣшнихъ уу. Корсунскомъ и Сенгилеевскомъ Симб. губ., въ Саранскомъ и Городищенскомъ уу. Пензенской губ. Съ развитіемъ крѣпостныхъ отношеній, во владѣніи этихъ мордовскихъ мурзъ часто оказывались русскіе люди: съ другой стороны, практиковавшійся между помѣщиками обмѣнъ имѣніями часто отрывалъ мордовскихъ князей отъ родной почвы и уносилъ ихъ напр. въ Вологодскую или Тверскую губерніи.

Основываясь на вышеуказанныхъ архивныхъ документахъ, мы можемъ себѣ уяснить отношеніе мурзъ къ рядовому мордовскому населенію. Живя рядомъ со своими единоплеменниками, мало чѣмъ отъ нихъ отличаясь, князьки имѣли собственную землю, свои бортные ухожаи и кромѣ того пользовались ясакомъ съ ухожаевъ своихъ родичей, мало по малу обратившихся въ крѣпостныхъ. Постепенно обращаясь въ русскаго, мордовскій мурза и князекъ скоро позабывалъ о своемъ происхожденіи и безжалостно закрѣпощалъ единоплеменниковъ, поселявшихся на его землѣ. Еще въ эпоху татарскаго владычества мордва имѣла рабовъ и рабынь (эрз. *ура*, *урѣнь*), которыми она распоряжалась по собственному усмотрѣнію, а при русскомъ владычествѣ продажа мурзами и князьками своихъ крѣпостныхъ единоплеменниковъ становится обычнымъ явленіемъ.

Земли, входившія въ составъ мордовской территоріи, раздѣлены были между туземнымъ населеніемъ и русскимъ правительствомъ, причемъ въ основу положено было фактическое владѣніе. Еще до казанскаго взятья многіе мордовскіе князья и мурзы обзавелись покупными вотчинами.

Теперь всѣ тѣ участки, которые когда-либо находились въ пользованіи мордовскаго населенія—лѣса, луга, пашни,—фактически должны были остаться въ полномъ распоряженіи мордвы; государство взяло въ свои руки лишь дикія поля, степь и ковыльныя земли. Съ конца XVI в. всѣ мордовскія земли были переписаны, и каждой деревнѣ отведенъ былъ свой „ободъ“ (отрубъ), болѣе или менѣе точно опредѣленный живыми урочищами, гранями на деревьяхъ и столбами.

Въ спорныхъ случаяхъ, когда мнѣнія стороннихъ старыхъ людей расходились, претендентъ долженъ былъ, въ присутствіи межевщика, пройти по намѣченнымъ урочищамъ съ кускомъ свѣжаго дерна на головѣ; это была *земляная присяга*, на основаніи которой писецъ установлялъ межу. Размѣры *ободныхъ* участковъ были иной разъ настолько значительны, что владѣльцы могли изъ нихъ выдѣлять особые участки, на которые пускали новыхъ поселенцевъ, но при этомъ обусловливалось, чтобы припущенники эту поступную землю никому не продавали и не закладывали; въ противномъ случаѣ они должны были уплатить пеню и лишались земли.

Такой ободъ, въ смыслѣ установленной государствомъ мелкой земской единицы, представлялъ основаніе для развитія будущихъ сельскихъ обществъ, въ современномъ смыслѣ этого слова. Владѣвшая ободомъ деревня по мѣрѣ надобности выдѣляла „выставки“, или починки на незанятыя еще части обода; но эти починки связаны были съ деревней общими обязанностями передъ государствомъ. Въ мордовской территоріи встрѣчались вотчины, которыя не составляли предмета единоличнаго владѣнія, а были достояніемъ одного обширнаго мордовскаго рода, разросшагося изъ первоначальной семьи. Способъ пользованія землей былъ повсемѣстно большею частью захватный; лѣсные ухожаи составляли достояніе извѣстнаго рода или семьи, помѣчались ея „знаменемъ“ (напр. сабля, поясъ съ глазками) и часто носили названіе по имени владѣльца

(напр. *Утешева помра*, *Учюнзеево знамя*). Ковыльныя степи часто находились въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ родовъ и подвергались уравнительнымъ передѣламъ. Каждое знамя еще въ дотатарскую пору обложено было опредѣленнымъ сборомъ, который получилъ названіе *ясака*; русское правительство сохранило этотъ ясакъ для себя, а сверхъ того назначило новый въ пользу мѣстнаго мордовскаго князька. Съ конца XVI в. оба вида ясака вошли въ составъ оброка; къ ясаку съ бортныхъ ухожьевъ и звѣроловнаго промысла московское правительство прибавило еще: пошлины, куничный и медвяной сборы, которыми вѣдалъ Ясашный приказъ.

Въ первой половинѣ XVII в. всѣ пахатныя земли переписаны были въ мордовскія писцовыя книги и обложены *посопомъ*. „Пòсопъ" представлялъ собою хлѣбную подать, о размѣрахъ которой узнаемъ мы изъ актовъ Алатырскаго у. (собраніе Бѣлокрысенки). Посопъ составлялъ 2 чети ржи и 2 чети овса съ выти (или съ 6 десятинъ) засѣянной земли, т. е. взималось 40% съ количества высѣваемаго зерна; но если населеніе пахало десятинную пашню на государя или выплачивало эту десятину деньгами, то посопъ уменьшался до половины. Посопный хлѣбъ плательщики должны были сами доставлять въ хлѣбные амбары при уѣздныхъ городахъ, а всѣми дѣлами по сбору посопа завѣдывалъ Московскій приказъ хлѣбныхъ заводовъ. Такимъ образомъ, по размѣрамъ обложенія мордва поставлена была въ одинаково тяжелыя условія съ тяглыми русскими людьми. Оцѣнивая экономическое положеніе, въ которомъ очутилась мордва подъ русскимъ владычествомъ, мы не въ состояніи будемъ понять, почему она принимала такое дѣятельное участіе во всѣхъ народныхъ волненіяхъ XVII и XVIII в. и почему массами покидала свои родныя мѣста, уходя въ дикія поля и степи Саратовской губ. и Заволжья, гдѣ ея оказалось въ концѣ концовъ далеко болѣе, чѣмъ на мѣстахъ исконнаго поселенія мордвы, мы не поймемъ всего этого, если не обратимъ вни

манія на административную практику Московскаго государства, установившуюся съ самаго начала колонизаціи въ мордовскомъ краѣ.

Результатомъ водворенія русскаго владычества въ мордовскомъ краѣ прежде всего явилось сокращеніе земельныхъ владѣній мордвы. Помѣщики-колонизаторы не упускали случая захватить мордовскіе лѣса и земли, пользуясь тѣмъ, что въ мордовскихъ дозорныхъ и писцовыхъ книгахъ границы обозначались довольно неопредѣленно, особенно если при этомъ мордва не могла представить никакихъ документовъ. Если же представлялись документы татарской эпохи, не занесенные въ писцовыя книги, то имъ не придавалось никакого значенія. По стопамъ помѣщиковъ въ дѣлѣ захвата мордовскихъ земель шли и вновь основанные монастыри, которые еще при Иванѣ Грозномъ щедрою рукою надѣлены были обширными земельными владѣніями съ чисто мордовскимъ населеніемъ; наряду съ монастырями, мордва раздавалась также и боярамъ *для крещенія*.

Мордва въ смутное время.

Дикіе инородцы, не вѣдавшіе насилія надъ своей вѣрой во время владычества казанскихъ татаръ, какъ я сказалъ выше, долго выносили поруганіе своихъ языческихъ святынь и оставались спокойны во все время царствованія Грознаго, Θеодора Іоанновича и Годунова, когда одинъ за другимъ слѣдовали такъ наз. черемисскіе бунты. Волненія мордвы начались главнымъ образомъ уже во время второго Лжедимитрія: поднялась вся мордва, отъ Нижняго до Алатыря, выбрала двухъ предводителей—*Москова* и *Вокардина*, но, будучи плохо вооружена, безуспѣшно пыталась взять Нижній. Въ теченіе всего 1607 г. мордва скрывалась въ лѣсахъ и оврагахъ, нападала небольшими отрядами на русскія войска, жгла русскія деревни и грабила города.

Въ 1608 году города Алатырь, Курмышъ, Ядринъ, Арзамасъ, Темниковъ и Касимовъ приняли сторону Тушинскаго вора. Мордва-мокша находилась подъ начальствомъ своихъ князьковъ *Еникѣева*, *Шугурова* и *Смилеева*, а начальство надъ эрзей и терюханами принялъ измѣнникъ — арзамасскій воевода Тимофей *Лазаревъ*, который присталъ къ тушинскому воеводѣ князю Семену *Вяземскому* и пошелъ съ нимъ на Нижній; но въ январѣ 1609 г. нижегородцы разбили этотъ отрядъ, причемъ вожди были взяты въ плѣнъ и повѣшены. Казанскій воевода *Шереметевъ* выступилъ противъ мордвы-мокши; 22 декабря 1608 г. онъ разбилъ ее подъ Чебоксарами, а 1 января слѣдующаго года соединившіеся съ черемисами и чувашами мокшане были разбиты подъ Свіяжскомъ. „И топтали ихъ и кололи, что свиней, и трупу ихъ положили на семи верстахъ", доносилъ Шереметевъ царю Василію Шуйскому. Разбѣжавшаяся по берегамъ рр. Мокши, Суры и Алатыря мордва до самаго усмиренія земли русской производила грабежи. Въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія мордовскіе бунты прекратились, но совершеннаго спокойствія далеко еще не наступило; мордва упорно уклонялась отъ ясака, хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ, противъ чего правительство принимало крутыя мѣры.

Къ этому присоединились насилія воеводъ и приказныхъ людей, въ особенности сборщиковъ податей. Въ 1639 году все племя терюханъ и арзамасская эрзя жестокимъ сборомъ ямскихъ денегъ, сопровождавшимся отобраніемъ у мордвы хлѣба, скота и домашняго скарба, доведены были до того, что побросали свои деревни, несжатый хлѣбъ, уродившійся въ этотъ годъ на диво, и бѣжали въ лодкахъ внизъ по Волгѣ, переселялись на лѣвый ея берегъ, или прятались въ дремучихъ Муромскихъ лѣсахъ; бѣглецы отсиживались въ суровую зиму въ землянкахъ среди лѣсовъ и умирали массами. Мордва усиленно бѣжала на югъ, въ Саратовскія степи и черезъ Самарскую луку уходила за Волгу, гдѣ у симбирской эрзи были борт

ные ухожаи еще въ эпоху татарскаго владычества. Нынѣшній Кузнецкій и смежные съ нимъ уѣзды еще во второй половинѣ XVII в. заняли эрзянскіе и мокшанскіе мурзы со своими родами. Въ 1615 г. въ предѣлахъ Самарской губ. возникаютъ уже мордовскія деревни *Кандала* и *Алатъ-Кокрячъ*, основанныя нижегородскими выходцами, а въ 70-хъ годахъ масса эрзянъ появляется въ этомъ краѣ по р. Уткѣ. Въ XVIII в. мордва широкой волной разливается по нынѣшнимъ Самарской, Уфимской и Оренбурской губ.

Столь обширныя выселенія мордовскаго племени находятъ свое объясненіе въ томъ, что въ теченіе всего XVII в. тяжкія подати, налоги, обиды воеводъ и служилыхъ людей, а главнымъ образомъ насильственное обращеніе въ христіанство, усилившееся со временъ патріарха Никона,—все это заставляло мордву бѣжать съ мѣста своего жительства. При царѣ Грозномъ снаряжено было нѣсколько миссій для крещенія мордвы; монахи Троицкаго Селижарова монастыря подвизались въ предѣлахъ казанской мордвы, а иноки Саввина Сторожевскаго монастыря устроили миссіонерскій станъ на берегу р. Мокши, въ центрѣ темниковской или еникѣевской мордвы; изъ этого послѣдняго стана вскорѣ образовался *Пурдышскій* Рождественскій монастырь (нынѣ с. *Пурдышки*, Темн. у. Тамб. губ.), которому отдана была во владѣніе значительная часть темниковской мордвы, съ условіемъ окрестить ее.

Въ центрѣ поселеній эрзи особеннымъ успѣхомъ сопровождалась дѣятельность *Спасскаго* монастыря въ Арзамасѣ и *Троицкаго* монастыря въ Алатырѣ (основанныхъ еще при Грозномъ); обоимъ монастырямъ дано было много мордвы изъ царскихъ мордовскихъ вотчинъ. До воцаренія Михаила Θеодоровича миссіонерская дѣятельность Спасскаго монастыря не имѣла особеннаго успѣха; но лишь только въ Нижегородской области возстановилось спокойствіе, спасскіе монахи ревностно принялись за свое дѣло; особенно отличился въ этомъ дѣлѣ игуменъ *Іовъ* (1628—

38), переведенный потомъ въ Московскій Новоспасскій монастырь. Арзамасская мордва, не стерпѣвъ притѣсненій отъ спасскихъ монаховъ, разбѣжалась и попряталась въ самыхъ глухихъ мѣстахъ уѣзда, на рч. Ковaксѣ; но Іовъ отыскалъ ее, съумѣлъ какъ-то воротить и окрестить. Къ концу XVII в. арзамасская мордва была вся окрещена. На берегахъ р. Суры подвизались миссіонеры Троицкаго Алатырскаго монастыря; они быстро окрестили свою мордву и принялись за сосѣднюю. Инородцамъ это крѣпко не нравилось, и они едва выносили насильственное обращеніе въ христіанство.

Лишь только началось смутное время, замутилась и алатырская мордва, и прежде всего захотѣла свести старые счеты съ монахами. Игумена „посадили въ воду", т.-е. утопили въ Сурѣ; выбрали монахи другого — и его постигла та-же участь; выбрали третьяго: тогда мордва, ворвавшись въ монастырь, сбросила игумена съ башни, зарѣзала одного іеромонаха, разогнала всю остальную братію, разграбила монастырь и, захвативъ всѣ жалованныя грамоты, завладѣла монастырскими вотчинами. Разбѣжавшіеся монахи обратились къ архимандриту Діонисію и келарю Авраамію Палицыну съ просьбой, чтобы ихъ монастырь приписанъ былъ къ Троице-Сергіевой лаврѣ; въ 1615 г. царь Михаилъ Θеодоровичъ согласился на это. Троицкія власти послали въ Алатырь своихъ миссіонеровъ, которые повели дѣло значительно лучше, и мордва мирно начала сливаться съ русскими.

Въ области мокши миссіонерскую дѣятельность проявили три монастыря: *Пурдышскій* (въ нынѣшнемъ Краснослободскомъ у.), *Никольскій-Черньевъ*—въ Шацкомъ у. и *Мамонтова пустынь*—въ Моршанскомъ у. Чернѣевскій монастырь возникъ въ послѣдней четверти XVI в. въ Верхоценской волости, на оброчной землѣ новокрещена мордвина Ивашки Просандеева, со смертью котораго церковь была заброшена. Въ началѣ XVII в. черный попъ Матθій, съ благословенія рязанскаго архіеп. Леонида,

выстроилъ на Мамышевой полянѣ новую церковь и домъ съ келліями для монаховъ; въ этомъ монастырѣ поселился самъ Матѳій съ пятью товарищами и принялся за обращеніе въ христіанство мордвы, которая жила кругомъ въ предѣлахъ Томниковскаго беляка. Съ результатами просвѣтительной дѣятельности Матѳія мы хорошо знакомимся изъ его челобитной, въ которой онъ проситъ у царя лѣсныхъ угодій для монастыря (напечат. въ Изв. Тамб. Арх. Комм., вып. X).

„А лѣсъ на церковь и на отынъ и на кельи покуповалъ я Матѳій у мордвы... И нынѣ мордва ни мнѣ Матѳію, ни братамъ отъ черни на монастырское на устройство ни лѣса сѣчи, ни повальнаго дерева брать не пускае. А за то де, что я черный попъ кстилъ у мордвы подговоромъ многія жены и дѣти, якобы душъ двадцать съ исполна, да и инная де мордва на лебезу мою сдается и кститься хочетъ. И за то наше святое кщеніе нынѣ мордва некщоная... грозитъ раззорить Николинъ монастырь раззоромъ, и меня де попа Матѳія съ братами на степи выгнать. И крадутъ де они тѣ люди мордовскіе у меня у попа Матѳія лошадь, скотъ и всяку дворную птицу."

Какъ-бы то ни было, несмотря на крупное недовольство мордвы-мокши, иноки Чернѣевскаго монастыря успѣли окрестить значительное количество мордвы. Въ смутное время мордва вспомнила о миссіонерскихъ насиліяхъ и раззорила всѣ эти монастыри.

Во второй половинѣ XVII в. глухое недовольство мордвы-мокши разразилось трагическимъ событіемъ. Патріаршій престолъ въ Москвѣ занялъ въ это время Никонъ, сынъ обрусѣлаго мордвина, крестьянина с. Вельдеминова (въ нынѣшн. Княгининск. у. Нижегор. губ.). Съ неудержимою ревностью началъ онъ заботиться объ исправленіи церковныхъ книгъ и о крещеніи мордвы. Еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, „собинный другъ" Алексѣя Михайловича упросилъ царя назначить рязанскимъ архіепископомъ іеромонаха Деревяницкаго монастыря *Мисаила* для обращенія мокшанъ въ христіанство.

Рукоположенный въ 1651 г., Мисаилъ окрестилъ въ 3 года въ Шацкомъ и Тамбовскомъ уу. 4200 человѣкъ мордвы и татаръ; но еще оставалось, какъ онъ пишетъ въ прошеніи на имя патріарха и царя, „въ Шацкомъ у. некрещеной мордвы 250 дворовъ, а въ нихъ по числу будетъ 2000 слишкомъ человѣкъ, да въ Кадомскомъ у. татарскихъ и мордовскихъ 520 дворовъ, а въ нихъ по числу будетъ 4200 человѣкъ. Смилуйся, великій государь..., пожалѣй богомольца своего, благослови ѣхати моего владычества въ Касимовъ и въ Шацкое и въ Тамбовъ татаръ и мордву крестить". Никонъ благословилъ его, а можетъ быть даже и разрѣшилъ истреблять почитаемыя мордвою священныя рощи и кладбища. Процедура обращенія въ христіанство была необычайно проста: переѣзжая съ мѣста на мѣсто, Мисаилъ собиралъ толпу мордвы, крестилъ ее безъ всякихъ приготовленій, а потомъ ее же заставлялъ рубить священныя рощи и сжигать срубы, которые мордва возводила на кладбищахъ надъ могилами своихъ предковъ. На первыхъ порахъ мордва подчинялась миссіонеру, и Мисаилъ дѣйствовалъ довольно успѣшно; такъ, однажды онъ сразу окрестилъ 320 человѣкъ.

Однажды онъ остановился въ дер. Ямбиревой (нынѣ с. Конобеево, Шацкаго у.), надѣлъ мантію и началъ было убѣждать жителей принять св. крещеніе, но мордва выступила противъ него съ рогатинами, луками и топориками и заявила, что не будетъ креститься до тѣхъ поръ, пока не получитъ приказа отъ царя, къ которому отправили челобитчиковъ. По донесенію Мисаила, царь прислалъ грамоту на крещеніе мордвы и думнаго дворянина Матюшкина съ товарищами на подмогу; часть мордвы послѣ этого крестилась, а другіе по прежнему оказали сопротивленіе. Мисаилъ еще разъ пожаловался въ Москву и получилъ разрѣшеніе взять на помощь шацкихъ служилыхъ людей, сколько потребуется.

Во главѣ небольшого отряда Мисаилъ отправился на страстной недѣлѣ 1655 г. въ дер. Ямбиреву и встрѣ-

тилъ мордву готовой къ битвѣ: вооруженные люди стояли кругомъ на пашнѣ, пратались за стѣнами избъ и клѣтей. Архіепископъ выѣхалъ нѣсколько впередъ, чтобы прочесть царскую грамоту, но мордва выскочила изъ засады и разсѣяла свиту, а въ Мисаила полетѣли стрѣлы, и онъ упалъ смертельно раненный подъ мышку. Это случилось 10 апрѣля, во вторникъ на Страстной, а 19 числа, въ четвергъ на Пасхѣ, Мисаилъ умеръ въ дер. Агламазовой. Черезъ годъ тѣло Мисаила перевезено было изъ дер. Ямбиревой и погребено въ рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ до сихъ поръ надъ его гробницей сохраняется мантія, пробитая стрѣлами и со слѣдами запекшейся крови.

Послѣ трагической смерти Мисаила обращеніе мордвы въ христіанство производилось съ большой осмотрительностью. Изъ столкновеній съ мордвой на почвѣ обращенія въ христіанство выяснилось, что главной причиной упорства мордвы являлось опасеніе потерять земли и угодья, которыя послѣ крещенія мордвы старались присвоить себѣ монастыри и окрестные помѣщики.

Мордовскія земли, богатыя лѣсами и всякаго рода промысловымъ звѣремъ, составляли большую приманку для тѣхъ и другихъ. Дремучіе лѣса начинались отъ самаго Нижняго, тотчасъ за рѣкой Кудьмой. Южнѣе, гдѣ почва переходила въ черноземъ, на смѣну хвойныхъ лѣсовъ появлялось чернолѣсье: дубъ, кленъ, липа, ясень, вязъ и др. Животный міръ въ этомъ краю былъ богатъ и разнообразенъ, о чемъ краснорѣчиво говорятъ документы XVII в.

„А не учну язъ,—читается въ купчей записи, выданной Мамонтовой пустыни мордвиномъ Верхоценской волости въ 1640 г. въ тѣхъ бортныхъ ухожьяхъ и во всякихъ вотчинныхъ угодьяхъ,... въ рыбной и бобровой ловлѣ и во всякихъ становыхъ звѣряхъ, въ лосѣ и въ козѣ и въ свиньѣ, жеребьевъ по государеву оброку давать, и на

мнѣ на Михаилѣ взять въ домъ великому чудотворцу Николѣ да труднику Мамонту по сей купчей записи заряду 100 рублевъ". (Мамонт. пустынь, изд. Тамб. Арх. Комм. 1887, стр. 6).

„Козиное и лосиное стойло," „свиное логово," „бобровая вежа, бобровые гоны" постоянно фигурируютъ въ цѣломъ рядѣ мордовскихъ документовъ, отъ Шацка до рр. Хопра и Вороны. Въ Симбирской губер., гдѣ лѣса были дѣвственные, фауна была столь же богата. Въ одной изъ купчихъ Алатырской приказной избы мы находимъ:

„А продалъ есми имъ тое вотчину впрокъ безъ выкупу и ихъ дѣтямъ... съ стоячимъ деревомъ и со пнемъ, и съ лежачею колодою и со звѣремъ: и съ лосемъ и съ медвѣдемъ, и съ волкомъ и съ лисицею, и съ куницею и съ водянымъ звѣремъ—съ бобромъ и съ бобровыми гоны" (Акты Бѣлокрысенки).

Всѣ эти угодья боялся мордвинъ потерять, принимая христіанство, и на это обстоятельство обратили наконецъ въ Москвѣ вниманіе.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда за ново крещеной мордвой укрѣплялись ея земельныя владѣнія и сверхъ того давались иныя льготы; но такъ какъ льготы эти примѣнялись сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, то недовольство мордвы не прекращалось.

Вскорѣ вспыхнулъ бунтъ Стеньки Разина: инородцы Восточной Россіи, какъ и во время самозванцевъ, тотчасъ пристали къ бунтовщику; заволновалась по прежнему вся мордва, отъ Арзамаса до Симбирска на Ю. и до Шацка на З. Въ сентябрѣ 1671 г. мордва, въ союзѣ съ татарами, чувашами и черемисами, направилась къ Симбирску, на соединеніе съ ватагами Разина, но воевода кн. *Борятинскій* въ одну недѣлю (23 29 сентября) пять разъ разбилъ инородцевъ; всѣ захваченные въ плѣнъ были повѣшены. 1 октября кн. Борятинскій разбилъ самого Разина, который едва успѣлъ спастись, а инородцы разбѣжались. Другія толпы мордвы около этого времени вмѣстѣ съ ка

заками и русскими крестьянами осадили Алатырь, взяли его приступомъ (16 сентября), раззорили городъ и сожгли одну изъ башенъ. Въ октябрѣ мордва съ казаками раззорила Верхній и Нижній Ломовъ, а въ декабрѣ въ огромномъ числѣ собралась въ с. *Андреевкѣ* (Краснослободскаго у.), чтобы итти на Арзамасъ и Нижній, но воевода кн. Юрій *Долгоруковъ* разогналъ всѣ воровскія шайки.

Мордва приведена была теперь къ шерти, возмущеніе прекратилось; но еще много лѣтъ нельзя было считать инородцевъ спокойными. Мордва языческая и принявшая христіанство часто сходилась потаенно въ лѣсахъ и совѣщалась о томъ, какъ бы лучше ограбить русскія деревни, что имъ часто удавалось. Правительство стало обращать больше вниманія на инородцевъ; неоднократный опытъ показалъ, что какъ скоро возникаетъ внутренняя смута, инородцы немедленно къ ней примыкаютъ и тѣмъ увеличиваютъ опасность для государства. Правительство начало теперь относиться подозрительно къ мордвѣ и всѣми мѣрами заботилось о наибольшемъ усиленіи русскаго элемента между инородцами; съ этой цѣлью мордва переселялась въ русскія деревни, а русскихъ поселяли среди мордвы; мордва, наряду съ другими инородцами, записывалась въ казаки и назначалась также для несенія сторожевой службы на пограничной чертѣ (отъ чего могла однако избавиться принятіемъ крещенія), и такимъ образомъ порывала всякую связь со своими единоплеменниками.

Въ тоже время во всей мордовской территоріи запрещено было продавать оружіе и военные припасы; въ мордовскихъ деревняхъ запрещалось устраивать кузницы, чтобы инородцы не вздумали ковать себѣ оружіе, и съ этой поры мордва должна была покупать въ городахъ земледѣльческія орудія и металлическія подѣлки, необходимыя въ домашнемъ быту, да и тѣ продавались въ самомъ ограниченномъ количествѣ. По усмиреніи Разинскаго бунта, мѣры предосторожности противъ мордвы были усилены: у нея начали отбирать оружіе, запретили даже имѣть

луки и стрѣлы, воспретили совсѣмъ звѣриную охоту; поясные ножи, съ которыми инородцы наши не разставались, дозволено было носить не иначе, какъ съ обломаннымъ концомъ. Всякій разъ, когда при раскопкахъ инородскихъ могилъ встрѣтятся подобные ножи, есть полная возможность предполагать, что погребенія относятся къ концу XVII в.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были рѣшительныя мѣры къ распространенію среди мордвы христіанства: 16 мая 1681 г. вышелъ грозный указъ царя Ѳеодора Алексѣевича, которымъ мордвѣ предлагалось, чтобы „они, поискавъ благочестивыя христіанскія вѣры греческаго закона, крестились всѣ, а какъ они крестятся, и имъ во всѣхъ податяхъ дано будетъ льготы на шесть лѣтъ; а будетъ они креститься не похотятъ, и имъ сказать, что они будутъ отданы въ помѣстья и вотчины некрещенымъ мурзамъ и татарамъ." Никогда, ни до, ни послѣ этого указа, русское правительство не выражало столь явно своего благоволенія къ татарамъ и къ татарской вѣрѣ.

Появленіе подобнаго указа тѣмъ только и можно объяснить, что среди московскаго правящаго класса слишкомъ силенъ былъ татарскій элементъ, въ лицѣ потомковъ недавнихъ выходцевъ изъ татаръ и отатарившихся инородцевъ. Но странно, что духовенство и древнерусскіе дворянскіе роды, забывая о быломъ татарскомъ игѣ, мирились съ такою точкой зрѣнія на мусульманство, какъ особенно культурную силу, способную облагородить нашихъ инородцевъ.

Для исполненія этого указа въ мордовскія волости посланы были подъячіе и пристава съ командами. Немалое количество мордвы польстилось на льготы и крестилось; но такое обращеніе въ христіанство носило чисто формальный характеръ, потому что новокрещеные оставались безъ просвѣщенія и по прежнему коснѣли въ язычествѣ.

Въ 1686 г. вышелъ указъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, чтобы епархіальные архіереи и монастыр-

скія власти обращали особенное вниманіе на новокрещеную мордву,“ которая въ христіанской вѣрѣ не тверда, въ церкви божіи не приходитъ и отцовъ духовныхъ у себя не имѣетъ“. Указъ этотъ повелѣвалъ составить именные списки новокрещеныхъ, жены и дѣти которыхъ оставались въ язычествѣ, и всѣхъ такихъ брать въ архіерейскіе дома и монастыри для наставленія и утвержденія въ христіанствѣ; было немыслимо исполнить это при громадномъ количествѣ некрещеныхъ семействъ, и этимъ указомъ только давался просторъ злоупотребленіямъ.

Въ Петровское время сдѣлана была попытка поставить дѣло обращенія на иной путь—повести его черезъ школу; лучшіе люди тогдашняго русскаго общества встрѣтили сочувственно такой планъ, особенно извѣстный крестьянинъ-экономистъ *Посошковъ*. Но проектъ этотъ очень медленно приводился въ исполненіе, пока въ 1740 г. не открыла своихъ дѣйствій Контора новокрещенскихъ дѣлъ. Нижегородскій митрополитъ *Питиримъ* практиковалъ въ своей епархіи такой способъ: онъ бралъ мордовскихъ дѣтей въ низшія духовныя школы, проводилъ ихъ чрезъ семинарію и приготовлялъ такимъ образомъ знающихъ свои обязанности священниковъ изъ инородцевъ. Но главнымъ средствомъ привлеченія мордвы къ христіанству въ XVIII в. оставались матеріальныя выгоды: новокрещенымъ обѣщали льготы отъ податей, свободу отъ рекрутчины и отъ работы на казенныхъ заводахъ, которая представляла собою чисто каторжный трудъ; кромѣ того давалось немного денегъ и даже смѣна платья. Когда мордва убѣдилась, что всѣ эти обѣщанія исполняются, дѣло обращенія въ христіанство пошло очень быстро: въ 1746 г. въ одной Нижегородской епархіи считалось уже крещеной мордвы 50430 душъ въ 132 деревняхъ.

Къ сожалѣнію, приходится сказать, что для достиженія такого результата митрополитъ *Димитрій Сѣченовъ* не могъ удержаться отъ совершенія ненужныхъ насильственныхъ дѣйствій. Изъ жалобъ, принесенныхъ на него мордвой Терю

шевской волости, узнаемъ мы, что Сѣченовъ не останавливался ни передъ какими крутыми мѣрами: однихъ онъ держалъ подъ карауломъ и подвергалъ мучительнымъ побоямъ, пока не добивался согласія креститься, другихъ приказывалъ даже „въ купель опускать при крещеніи связанными по рукамъ и ногамъ". Можетъ быть, это и не привело бы еще ни къ какимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ со стороны мордвы, если бы мордва не увидала, что Сѣченовъ начинаетъ жечь и исреблять чтимыя у язычниковъ мѣста—моленные амбары и памятники на кладбищахъ. Когда въ 1743 г. Сѣченовъ раззорилъ въ с. *Сарлеяхъ* мордовское кладбище, на которомъ оказались намогильные срубы (голбцы), мордва забунтовала и порѣшила убить митрополита. Съ большимъ трудомъ спасся онъ въ погребѣ сарлейскаго священника, гдѣ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока его не спасли подоспѣвшіе на выручку русскіе изъ сосѣднихъ селъ.

Началось дѣло. Для усмиренія новокрещеныхъ явился съ командой премьеръ-майоръ Юнгеръ, котораго встрѣтила тысячная толпа мордвы, вооруженная луками, рогатинами и ружьями. Произошла схватка, въ которой убито было 35 чел. мордвы; инородцы положили оружіе. Главный виновникъ бунта *Несмьянко Кривой* увезенъ былъ въ Москву и сожженъ въ срубѣ живымъ. Послѣ этого мордва разбѣжалась по лѣсамъ, побросавши свои дома и несжатый въ полѣ хлѣбъ; но Сѣченовъ, съ помощью драгунъ, выгонялъ ихъ оттуда, ловилъ и насильно крестилъ (*Можаровскій*. Терюшевское дѣйство. Нижегор. Губ. Вѣд. 1882 г.).

Обращеніе мордвы въ Мокшанскомъ краѣ шло нѣсколько глаже. Изъ актовъ архива Тамб. Арх. Коммиссіи видно, что темниковская мордва, соблазняясь трехлѣтней льготой отъ податей, крестилась довольно охотно, и только болѣе упорные спѣшили выселиться на дикія земли въ Тамбовскій у.; но и тамъ они не могли спастись отъ миссіонеровъ. Наученные горькимъ опытомъ, миссіонеры разъѣзжали теперь среди мордвы не иначе, какъ съ воинской

командой и не прочь были иной разъ прибѣгнуть къ насилію. Такъ напр., одинъ протопопъ, видя упорство мордвы и не имѣя, кого крестить, велѣлъ солдатамъ перевязать своихъ проводниковъ и хотѣлъ было крестить ихъ насильно, но остальная мордва спѣшно запрягла лошадей въ миссіонерскія подводы и уѣхала вмѣстѣ съ проводниками; миссіонеръ, оставшись со своей командой безъ всякихъ способовъ передвиженія, поневолѣ смирился.

Главнымъ поводомъ къ насиліямъ по обыкновенію служили остатки языческой старины, отъ которыхъ новокрещеные ни за что не хотѣли отказаться; это были молитвенныя лачуги, намогильные срубы на кладбищахъ и жертвенныя рощи. Смирная вообще, мордва приходила въ ярость, когда начиналось разрушеніе этой языческой старины, особенно намогильныхъ срубовъ, въ чемъ мордва совершенно справедливо видѣла поруганіе своихъ предковъ. Долго тянулись еще жалобы духовенства на то, что мордва не желаетъ заучивать христіанскія молитвы, не почитаетъ образовъ, а крещеные мужья часто продолжаютъ жить съ некрещеными женами. Но съ теченіемъ времени между духовенствомъ и новокрещеными состоялось безмолвное соглашеніе: мордва перестала возобновлять сожженные молебные амбары, а духовенство сквозь пальцы смотрѣло какъ инородцы совершаютъ свои жертвоприношенія по оврагамъ и гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши. Въ 1784 году нижегор. архіепископъ *Дамаскинъ*, въ предисловіи къ пятиязычному словарю, составленному для императрицы Екатерины, благодушно замѣчаетъ, что мордва продолжаетъ оставаться двоевѣрною: придерживается старинныхъ своихъ обрядовъ и обычаевъ, справляетъ языческіе праздники; Дамаскинъ приводитъ даже русскій переводъ одной языческой мордовской молитвы.

Къ началу XIX ст. такой компромиссъ духовенства съ язычествующими прихожанами сдѣлался обычнымъ явленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало инородческое населеніе; онъ имѣетъ силу и до сихъ поръ. По

временамъ среди мордовскаго населенія тамъ и сямъ замѣчалась реакція въ пользу язычества; такъ было напр. въ Нижегор. губ. въ первой черверти XIX ст., когда среди терюханъ проявился своеобразный реформаторъ мордвинъ, получившій отъ русскаго простонародья оригинальное прозвище „Кузька—мордовскій богъ“.

Исторію этого мордовскаго пророка, на основаніи подлиннаго о немъ дѣла, хранящагося въ Нижегор. Арх. Коммиссіи, изложилъ *Снѣжневскій* въ „Историч. Вѣстникѣ“ (октябрь 1892), а значительно искаженное изложеніе похожденій Кузьки было напечатано въ „Отеч. Зап.“ еще въ 1867 г. Послѣдняя статья представляетъ пророка грубымъ обманщикомъ, но изъ подлиннаго дѣла видно, что *Кузьма Алексѣевъ* былъ искренно убѣжденъ въ своемъ пророческомъ призваніи: онъ слышалъ таинственные голоса, которые призывали его выступить провозвѣстникомъ новой вѣры и лучшихъ временъ для своего народа. Любопытно, что, выступая въ качествѣ возстановителя старой вѣры, Кузьма самъ имѣлъ о ней очень смутное понятіе: по крайней мѣрѣ онъ не называетъ ни одного изъ главныхъ мордовскихъ стихійныхъ боговъ. Во главѣ существъ, которые предписывали ему молиться по мордовски, онъ называетъ какую-то „Перю“ и „Мельцедея - громова сына“, о которыхъ мордва не имѣетъ понятія, а уже за ними выставляетъ Матерь Божію, Николая Чудотворца и Михаила архангела. Сущность новой вѣры Кузьма старался выразить въ обрядахъ, о которыхъ въ Терюханскомъ краѣ до сихъ поръ сохранились воспоминанія. Исповѣдывать мордовскую вѣру, по мнѣнію Кузьмы, значило собираться для молитвы въ древнія священныя рощи, сожигать на огнѣ куски мяса жертвенныхъ птицъ и животныхъ, пить священный напитокъ *пуре* и ѣсть жертвенное мясо. Придуманная Кузьмой новая вѣра вся сводилась на обрядовую внѣшность и не вносила никакихъ моральныхъ требованій; половую свободу онъ усердно пропагандировалъ соб

ственнымъ примѣромъ. То обстоятельство, что возлѣ кадки съ медомъ во время моляна стояла икона св. Николая, не казалось Кузьмѣ отступленіемъ отъ старой вѣры, равнымъ образомъ не смущало преданныхъ ему терюханъ. Ничего новаго въ жертвенный ритуалъ Кузьма не вносилъ: это былъ тотъ же старый шаманскій порядокъ, который до и послѣ него держался во всѣхъ углахъ мордовскаго міра. Весь шумъ, поднявшійся вокругъ Кузьки—мордовскаго бога и взбудоражившій терюханъ, произошелъ оттого, что въ своихъ поученіяхъ народу онъ наговорилъ много вздору относительно судьбы, предстоящей христіанству, а главнымъ образомъ—относительно тѣхъ перемѣнъ, которыя должны наступить послѣ водворенія въ мірѣ мордовской вѣры.

„Христосъ, это чинъ", говорилъ мордовскій пророкъ. „Состарившись, Христосъ этотъ чинъ съ себя сложилъ. Христа больше нѣтъ, не будетъ больше и христіанской вѣры". Взамѣнъ ея гласъ архангела Михаила предписывалъ ему ввести законъ, бывшій до Р. Х.—Авраамовъ и Давидовъ—и объявить, что этотъ законъ былъ ихъ настоящій мордовскій.

Торжественное водвореніе стараго закона должно было произойти, по словамъ Кузьмы, во время общаго мордовскаго моляна: покажется столбъ огненный отъ земли до небесъ, и домъ Давидовъ сойдетъ на ключъ *Рахлейку* (близь дер. Сескиной). Давидъ будетъ судить народъ и Кузьма съ нимъ... Послѣ такого явленія весь міръ приметъ законъ, обычаи и одежду мордвы и во всемъ будетъ слѣдовать мордовскимъ обрядамъ, а мордва будетъ *свободна*, не будетъ принадлежать помѣщикамъ и платить оброка; мордва займетъ въ мірѣ первое мѣсто, особенно близкія къ Кузьмѣ лица.

Умѣстно будетъ напомнить, что къ этому времени вся терюханская мордва испытывала на себѣ тяжелую помѣщичью руку, а въ рѣчахъ мордовскаго пророка

неожиданно зазвучали такія ноты, которыя обѣщали сверженіе крѣпостного права и крѣпко встревожили помѣщиковъ перспективой измѣненія общественнаго строя. Мѣстный губернаторъ вначалѣ считалъ „происшествіе сіе ничтожнымъ и незаслуживающимъ никакого уваженія; но когда мордва начала собираться толпами, губернаторъ сталъ опасаться, чтобы изъ этихъ сборищъ не вышло чего-нибудь неудобнаго, и предписалъ начать слѣдствіе надъ новокрещеными терюханами, чтобы они не осмѣливались впредь покушаться на подобныя возмущенія и ни на какія молебныя собранія".

Кузьма былъ схваченъ во время моляна въ лѣсу, вмѣстѣ съ близкими къ нему людьми. Трогательно прощаясь съ окружавшей его огромной толпой, онъ просилъ мордву совершать свои моляны по-старому и не смущаться тѣмъ, что его берутъ отъ нихъ: все равно, свобода отъ барщины придетъ къ нимъ и безъ него. Кузьма судился, былъ наказанъ нещадно плетьми съ наложеніемъ клейма и сосланъ въ пожизненную каторгу.

Терюхане, какъ умѣли, слѣдовали завѣтамъ своего пророка. Они совершали по старинѣ свои моляны, но уже не смѣли питать никакихъ надеждъ. Старая мордовская вѣра въ области терюшевской мордвы сохранялась вплоть до 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Ветхіе деньми священники изъ терюханскихъ приходовъ помнятъ еще такихъ стариковъ изъ мордвы, которые ниразу не бывали въ церкви во всю свою жизнь.

Не исполнилось предсказаніе Кузьмы о распространеніи мордовской вѣры на весь міръ, зато ровно чрезъ полстолѣтія послѣ его ссылки сбылись его мечты о возстановленіи старой мордовской свободы, правда—безъ участія дома Давидова, но съ участіемъ дома Романовыхъ, въ лицѣ императора Александра II.

Слѣдовало бы остановиться нѣсколько на Пугачевскомъ бунтѣ, въ которомъ мордва приняла участіе наравнѣ съ прочими инородцами. Но такъ какъ здѣсь мордвою

руководили тѣ же мотивы, что и въ эпоху, Разинскаго бунта, то пришлось бы въ значительной мѣрѣ повторяться; поэтому я предпочитаю ограничиться простымъ упоминаніемъ объ этомъ народномъ движеніи.

Старая мордовская вѣра до сихъ поръ жива еще у мордвы на Ю. Нижегор. губ., затѣмъ въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Самарской и Уфимской, хотя давно уже вступила въ нѣкоторый компромиссъ съ христіанствомъ. Молитвенныя рощи рѣдко гдѣ сохранились, мало осталось молебныхъ амбаровъ, но мордва-мокша до сихъ поръ молится еще кое-гдѣ въ лѣсахъ, ходитъ съ духовенствомъ служить молебны къ своимъ древнимъ священнымъ родникамъ, а тайкомъ приноситъ жертвы домашнимъ своимъ богамъ въ такъ называемыхъ *калдузахъ* *), тогда какъ эрзя дѣлаетъ это въ *кардас-сярк*'ахъ (небольшая загородка на дворѣ, внутри которой имѣется яма, прикрытая каменной плитой).

Процессъ обрусѣнія мордвы тянется уже четвертое столѣтіе, подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда факторовъ. Самымъ главнымъ источникомъ обрусѣнія служила передача вотчинъ мордовскихъ князьковъ русскимъ помѣщикамъ и монастырямъ. Какой-нибудь опредѣленной обрусительной системы, кромѣ крещенія, мы не знаемъ нетолько у помѣщиковъ, но даже у центральнаго правительства; можно сказать, что системы этой не выработано и до сихъ поръ. Обрусѣніе закрѣпощенной мордвы было слѣдствіемъ экономическихъ стремленій помѣщиковъ. Получивши богатыя и обширныя вотчины мордовскихъ князьковъ, монастыри и помѣщики, для извлеченія возможно большей прибыли изъ запустѣвшихъ наполовину мордовскихъ земель, привлекали сюда русскихъ колонистовъ, частью изъ своихъ старыхъ помѣстій, частью со стороны; благодаря этому, возникли во множествѣ селенія со смѣшаннымъ мордовско-русскимъ населеніемъ.

Съ особенной силой результаты вотчинной политики сказались въ Терюшевской волости, которая въ 1690 г. вмѣстѣ съ Лысковской волостью подарена была имере-

*) *Калдас* по-мокшански значитъ—скотный дворъ, загородка для скота.

тинскому царевичу Арчилѣ. Управляющіе грузинскаго царевича по частямъ переселяли русскихъ лысковцевъ въ Терюшевскую волость, а терюханъ въ Лысковскую, искусственно образуя деревни со смѣшаннымъ населеніемъ. Результатъ сожительства мордвы съ русскими сказался уже черезъ 50 лѣтъ: мордва стала забывать родной языкъ, говорила по русски, но сохраняла языческія вѣрованія, а по костюму ее невозможно было уже отличать отъ русскихъ. Недаромъ митрополитъ *Димитрій Сѣченовъ*, донося о нападеніи на него терюханъ дер. Сарлей, пишетъ, что „бунтовщиками были не мордва, а старые русскіе идолопоклонники: по-мордовски говорить не умѣютъ, а говорятъ ярославскимъ нарѣчіемъ". Подъ вліяніемъ такого сожительства съ русскими, мордва совершенно обрусѣла во многихъ мѣстностяхъ Княгининскаго, Арзамасскаго и Лукояновскаго уу.; только въ послѣднемъ уѣздѣ въ пяти селахъ сохранился еще донынѣ женскій головной уборъ, очень близкій къ мордовскому.

За предѣлами Нижегородскаго края такихъ большихъ районовъ обрусѣлой мордвы уже не встрѣчается: здѣсь смѣшанное населеніе появлялось совсѣмъ по другимъ причинамъ, такъ какъ здѣшняя мордва осталась большею частью ясашной и не испытывала гнета крѣпостнаго права. Тяглая мордва на государевыхъ земляхъ зачастую оказывалась не въ состояніи выплачивать съ принадлежавшихъ ей земель натуральныхъ и денежныхъ повинностей и охотно припускала русскихъ бѣглыхъ крестьянъ, помѣщичьихъ и дворцовыхъ. По временамъ изза этихъ припущенниковъ возникали среди мордвы раздоры: мордовскіе богачи ходатайствовали предъ правительствомъ объ удаленіи пришлыхъ людей, изза которыхъ будто-бы происходитъ утѣсненіе въ землѣ, а мордовская бѣднота отстаивала пришлецовъ, которые помогали ей нести тягло, и обвиняла богачей въ томъ, что они выживаютъ русскихъ ради корыстныхъ цѣлей, чтобы воспользоваться ихъ дворами и животами. Если правительство выселяло пришельцевъ, то на

ихъ мѣсто быстро появлялись другіе, и мордва чисто стихійнымъ путемъ подвергалась обрусѣнію.

На Ю. въ Саратовской губ. и за Волгой - въ губб. Самарской, Уфимской, Оренбургской, обрусѣніе эрзи идетъ иной разъ быстрѣе, чѣмъ на мѣстахъ ея древней родины. Не говоря уже о томъ, что здѣшняя мордва оторвана отъ родной почвы и окружена русскимъ населеніемъ, быстрота обрусѣнія обусловливается духовными качествами русскихъ сосѣдей. Образовавшееся главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, русское населеніе Заволжья представляло массу, въ которой много было сильныхъ характеровъ, которая ставила на первомъ планѣ духовныя потребности и склонна была къ пропагандѣ своихъ религіозныхъ идей. Немудрено, что поэтому эрзя обрусѣла здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; у русскихъ сосѣдей она заимствовала нетолько языкъ и всѣ черты внѣшняго быта, но и духовныя потребности.

Въ эрзянскихъ селеніяхъ съ особенной силой развилось „черничество". *Чернички*, это — молодыя еще дѣвушки съ нѣкоторымъ прошлымъ, накрывшіяся чернымъ платкомъ и навсегда отказавшіяся отъ замужества; онѣ запираются въ кельи, чтобы молиться и читать богоугодныя книги; по видимому, онѣ далеко не всегда занимаются столь богоугоднымъ дѣломъ, почему и не пользуются у мордвы лестною репутаціей. Но въ кельяхъ ихъ все же обсуждаются религіозные вопросы и отсюда находятъ доступъ въ мордовскую среду различные толки, болѣе или менѣе уклоняющіеся отъ православія; отсюда же выходятъ проповѣдники новыхъ ученій.

Сектантство вообще довольно сильно распространено среди мордвы. Такъ, въ Бугурусланскомъ у. въ черническихъ кельяхъ родилась секта „блаженныхъ" (монтановъ): чернецъ *Артемій* объявилъ себя въ дер. *Ерзовкѣ* новымъ Христомъ. Онъ окружилъ себя апостолами, женами-мироносицами, избралъ изъ черничекъ сначала одну, а потомъ нѣсколько „богородицъ", и такимъ образомъ создалъ об-

ширную общину. Въ составъ общины входили богатые члены, заправлявшіе дѣлами, и бѣдняки, которые исполняли всѣ черныя работы. Блаженные не отрицаютъ церкви и ея таинствъ, но не признаютъ брака; на моленія свои собираются они секретно, по ночамъ, поютъ духовные стихи, читаютъ Псалтырь и Притчи Соломоновы, а затѣмъ предаются оргіямъ, подобно хлыстамъ.

Въ подобныхъ же кельяхъ нашли себѣ пріютъ другіе секты—„собесѣдниковъ" и „людей Божіихъ"; обѣ секты отрицаютъ бракъ. „Собесѣдники" мало чѣмъ отличаются отъ православныхъ, но строже относятся къ постамъ и не придаютъ никакого значенія хожденію по св. мѣстамъ. „Люди божіи" идутъ дальше: по требованію своего учителя, сектанты должны раздать все свое имѣніе; они признаютъ необходимымъ самоистязаніе, должны оставлять законныхъ женъ и мужей и выбирать духовныхъ супруговъ. Обѣ секты сходятся на томъ, что Христомъ можетъ быть всякій, кто поучаетъ закону и указываетъ пути спасенія.

Въ мокшанскомъ краѣ, въ губб. Пензенской и Тамбовской—обрусѣніе далѣе всего пошло на Ю. и на З., въ сосѣдствѣ съ Мещерской областью. На З. Шацкаго у. въ окрестностяхъ с. Конобеева, мордва была достаточно обрусѣвшей еще въ XVII в., благодаря сосѣдству русскихъ селеній. Трагически погибшій рязанскій архіепископъ *Мисаилъ*, въ письмѣ къ патріарху Никону по поводу этой мордвы, совѣтовалъ, „чтобы ихъ отговоркамъ не вѣрить, акибы имъ христіанскія вѣры не сдержать, что ходятъ въ вотчины дальныя по лѣсамъ, на Хоперъ и на Ворону, и ѣдятъ всякое звѣриное мясо, и жены ихъ русскимъ языкомъ говорить не умѣютъ... жены ихъ мордвы и дѣти русскимъ языкомъ говорить горазды, а живутъ между русскими людьми вмѣстѣ". Съ тѣхъ поръ какъ писаны эти строки, обрусѣніе Шацкой мордвы подвинулось очень далеко. Мордва уже ничѣмъ не отличается отъ русскихъ, ни по языку, ни по обычаямъ.

Спускаясь отсюда на Ю., вверхъ по Цнѣ, мы встрѣтимъ въ предѣлахъ Шацкаго и Моршанскаго уу., до самаго Тамбова, рядъ селеній, въ которыхъ мордва до такой степени слилась съ русскими, что только при помощи историческихъ свидѣтельствъ можно констатировать ея былое здѣсь существованіе. Главнымъ факторомъ обрусѣнія и здѣсь явилось сожительство мордвы съ русскими, но оно возникло тутъ на иной почвѣ, чѣмъ въ предѣлахъ эрзи. Среднее и верхнее теченіе Цны лежали за валомъ, который проходилъ близь г. Шацка и прикрывалъ владѣнія Московскаго государства отъ кочевниковъ—крымскихъ татаръ, ногаевъ, калмыковъ. Поселенія, которыя возникали здѣсь въ XVII в., имѣли боевой характеръ. Это были сторожевые пункты, въ которыхъ жили „казаки", и въ эти казаки вмѣстѣ съ русскими было поверстано значительное количество мордвы. Въ числѣ служилыхъ боярскихъ дѣтей Тамбова мы также встрѣчаемъ лицъ съ несомнѣнно мордовскими именами.

Болѣе или менѣе стойко мокша удерживаетъ свои національныя особенности на С. Пензенской губ.—въ уу. Краснослободскомъ, Чембарскомъ (гдѣ мордва упорно величаетъ себя *мещеряками*), Наровчатскомъ и Инсарскомъ. Здѣсь говорятъ еще на родномъ языкѣ, живутъ и вѣруютъ еще по преданіямъ старины, носятъ мордовскій костюмъ, но почва для обрусѣнія уже готова. Мордва оцѣплена русскими селеніями, разбита на небольшіе острова: въ Наровчатскомъ и Инсарскомъ уу. мельче, деревень въ 5 и менѣе, въ Краснослободскомъ- крупнѣе. Можно думать, что и эти острова не долго сохранятъ свою національную обособленность. Старина падаетъ понемногу и здѣсь. Съ истребленіемъ лѣсовъ выводятся старые общественные моляны; русская рѣчь, по крайней мѣрѣ въ устахъ мужского населенія, звучитъ почти безъ акцента. Обрусѣніе ускоряется малоземельемъ, которое заставляетъ мужское населеніе обращаться къ отхожимъ промысламъ и громадными артелями уходить за Волгу и въ Астрахань.

Вдали отъ родныхъ деревень, въ чужой обстановкѣ мордва постепенно отвыкаетъ отъ старыхъ обычаевъ и впитываетъ въ себя элементы русскаго быта, но и сама вноситъ на Волгу кой-что мордовское; достаточно указать на общераспространенную волжскую пѣсню „Матаня": пѣсня эта занесена бурлаками-мокшанами, на языкѣ которыхъ *матаня* значитъ „возлюбленная". Школа только ускоритъ, конечно, этотъ процессъ. Уже и теперь замѣчено, что мордовская дѣтвора учится ничуть не хуже русскихъ, а часто и опережаетъ ихъ. Этому можно только радоваться и привѣтствовать такой мирный способъ обрусѣнія инородцевъ.

Текущая этнографическая дѣйствительность.

Кончая обзоръ исторической судьбы мордовскаго племени, постараюсь резюмировать все вышеизложенное, а вмѣстѣ съ тѣмъ остановлюсь на такихъ сторонахъ современнаго мордовскаго быта, которыя отчасти уясняютъ нѣкоторыя черты мордовской старины. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось бы вызвать въ моихъ слушателяхъ желаніе разобраться въ нѣкоторыхъ этнографическихъ деталяхъ, если судьба случайно заброситъ ихъ въ мордовскіе края.

Мордва представляетъ собой самое значительное изъ восточно-финнскихъ племенъ, достигающее милліона душъ. Съ давнихъ поръ оно раздѣляется на двѣ основныя группы: *эрзю* и *мокшу*. Въ литературѣ упоминаются еще двѣ сравнительно меньшихъ группы - *терюхане* въ Нижегородской губ. (и уѣздѣ) и *каратаи* въ Казанской; но первые обрусѣли, вторые отатарились и опредѣлить ихъ отношеніе къ названнымъ крупнымъ группамъ въ настоящее время чрезвычайно трудно. Нѣсколько культурныхъ словъ, сохранившихся въ языкѣ, названія и покрой костюма, скудныя свѣдѣнія о древней религіи вотъ все, чѣмъ можетъ располагать изслѣдователь.

Что касается отличія эрзи отъ мокши, то оно выражается въ физическомъ типѣ и въ цѣломъ рядѣ особенностей внѣшняго и внутренняго быта.

Присматриваясь къ мокшанской толпѣ, наблюдатель скоро замѣтитъ, что она представляетъ большее разнообразіе типовъ, сравнительно съ эрзянской. Рядомъ съ бѣлокурыми, сѣроглазыми и обладающими свѣтлой кожей особями, изъ которыхъ состоитъ эрзянская толпа, мы встрѣчаемъ здѣсь значительное, едва-ли не преобладающее, количество индивидуумовъ, обладающихъ черными волосами и глазами, смуглымъ, желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Лица представляютъ такое же разнообразіе, какъ окраска кожи и волосъ. Мокша въ бо́льшей части случаевъ, какъ и эрзя, обладаетъ круглымъ лицомъ, но строеніе его иное, чѣмъ у эрзи. Не рѣшаясь характеризовать это различіе въ терминахъ анатомо-антропологическихъ, мы отмѣтимъ только, что мокшанскія круглыя лица приближаются по типу къ татарскимъ и чувашскимъ. Среди преобладающей массы круглыхъ лицъ у мокши встрѣчаются овальныя лица, съ тонкимъ, правильно очерченнымъ носомъ. Особи, обладающія такими лицамм, имѣютъ большіе черные глаза, желтоватую кожу и черные волосы.

При одинаково-высокомъ ростѣ, мокша отличается массивностью сложенія и вытекающей отсюда неповоротливостью. Не обладая граціей и изяществомъ движеній, мокшанскія дѣвушки и женщины проявляютъ въ походкѣ, въ говорѣ, въ жестахъ самоувѣренную силу и энергію. Прямой, нѣсколько откинутый взадъ станъ, тяжелыя, размашистыя движенія, громкая рѣчь съ нѣсколько хриплыми нотами—вотъ черты, которыя наблюдатель отмѣчаетъ въ мокшанской толпѣ.

Нарѣчіе эрзянское отличается отъ мокшанскаго и фонетикой, и лексическимъ составомъ. Мокшанинъ и эрзянинъ, если они не изъ сосѣднихъ, пограничныхъ деревень, не въ состояніи понять другъ друга и прибѣгаютъ для объясненій къ русскому языку.

Въ области внѣшняго быта главное отличіе обоихъ племенъ заключается въ женскомъ костюмѣ; мужской не представляетъ особенностей. Костюмъ мокшанки и по составу, и по формамъ, и по способу надѣванія отличается отъ эрзянскаго. Нижняя одежда мокшанки состоитъ изъ рубашки и штановъ. Рубашку свою мокшанка носитъ иначе, чѣмъ эрзянка. Въ то время какъ у эрзянки рубашка спускается почти до пятъ, мокшанка поддерживаетъ свой длинный *панаръ* у пояса и не спускаетъ его ниже колѣнъ. Поверхъ его лѣтомъ она чаще всего ничего не надѣваетъ, тогда какъ полный туалетъ эрзянки предполагаетъ необходимо *шушпанъ*, вышитый верхній кафтанъ, тожественный по фасону съ черемисскимъ шобуромъ.

Головные уборы мокшанокъ не имѣютъ ничего общаго съ эрзянскими и стоятъ ближе къ черемисскимъ. На сѣверѣ мокшанскаго края -выше Краснослободска, употребляется головной уборъ, близкій по формѣ къ черемисскому тюрику. Мокшанское *панго* по формѣ близко къ черемисскимъ лопатообразнымъ сорокамъ. Татарское вліяніе сказывается на мокшѣ тѣмъ, что женщины поверхъ панго, а дѣвушки прямо на голову навертываютъ холщевое полотенце или покупную шаль въ видѣ чалмы. Круглыхъ камилавкообразныхъ кокошниковъ и сорокъ съ рогообразнымъ выступомъ надъ лбомъ, которые широко распространены у эрзянокъ, мокшанки не носятъ.

Поясныя украшенія также рѣзко, какъ и головные уборы, обособляютъ эрзянокъ отъ мокшанокъ. Мокшанки не носятъ такъ называемаго *пулагая*, т. е. назадника, украшеннаго бисеромъ и длинной бахромой, зато грудь ихъ украшена широкимъ лоскутомъ кожи (*цифкс*), сплошь унизаннымъ серебряными монетами и составляющимъ одно цѣлое съ бисернымъ оплечьемъ.

По численности и району своего распространенія эрзя преобладаетъ надъ мокшей. Обнимая своими поселеніями южные уѣзды Нижегородской и Симбирской губб., она заходитъ въ губерніи Тамбовскую и Пензенскую. Изслѣдо-

ванія *Паасонена* показали, что эрзя занимаетъ 10 деревень на С. Темниковскаго у. Тамбовской губ., въ окрестностяхъ Кадома, и двѣ деревни въ Спасскомъ у. той же губерніи (Кажлотка и Дракино). Въ Пензенской губ. она занимаетъ значительную часть селеній Саранскаго и Городищенскаго уу., по мѣстамъ смѣшиваясь съ мокшей. Эрзя же составляетъ главный контингентъ мордовскаго населенія въ степяхъ Заволжья—въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбурской. Въ губерніи Саратовской она чередуется съ мокшей, какъ и въ Западной Сибири.

Область женскаго обрабатывающаго труда распространяется главнымъ образомъ на производство и окрашиваніе тканей и изготовленіе изъ нихъ различныхъ принадлежностей костюма. Мордовки до настоящаго времени, изготовивъ пряжу, сами ее красятъ. Знакомство съ красильными веществами онѣ унаслѣдовали, по всей вѣроятности, еще отъ своихъ прабабокъ. Путешественники XVIII в. указываютъ растенія (эрз. *тикшед*), которыми мордовскія женщины пользовались для окрашиванія пряжи:—*чертополохъ* для окраски въ зеленый цвѣтъ *), *дрокъ* въ желтый, *марёна*—въ малиновый, *душица*—въ алый.

Женскій костюмъ мордвы—вѣнецъ творчества мордовскихъ женщинъ—представляетъ весьма значительное разнообразіе формъ и можетъ сдѣлаться предметомъ самостоятельнаго этнографическаго этюда. До сихъ поръ не намѣчены точно ни варіанты его, которые имѣютъ мѣсто на родинѣ мордвы, въ предѣлахъ одной и той же племенной группы, ни границы ихъ распространенія.

Начиная нашъ обзоръ съ сѣвера, мы должны отмѣтить прежде всего „*вѣнецъ*“ обрусѣвшей терюханской мордвы уборъ, который сохранился еще, какъ рѣдкость, у очень немногихъ мордовокъ и дается на прокатъ при вѣнчаніи. Его русское названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ формѣ. Вѣнецъ состоитъ изъ проволочной діадемы, отъ которой на спину

*] Для обозначенія этого процесса есть особый глаголъ *пиже-надомс*—крашу въ зеленый цвѣтъ.

спускаются нитяныя кисти, унизанныя раковинами ужовками. Спереди къ вѣнцу пришивается широкая лента изъ толстаго холста, унизанная серебряными монетами. Отъ ушей до пояса и ниже спускаются такія же ленты или ремни, унизанные монетами; это—такъ называемые „плетни". Шея терюханки украшается обычными борками и *сустугомъ*— круглой фибулой, отъ которой на грудь спускаются нити, унизанныя бисеромъ и теньками (мелкой монетой—настоящими и поддѣльными серебряными копейками).

Лѣтній повседневный костюмъ терюханки состоитъ изъ длинной рубашки и распашного широкаго кафтана, тожественнаго съ западно-черемисскимъ шушпаномъ по формѣ и по названію. *Шушпанъ* имѣетъ на рукавахъ широкую—вершковъ до 5—вышивку (*ожа-ки*), узоры которой (*сӧрма* эрз. и мокш.) не имѣютъ нечего общаго съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ у остальной мордвы. Рубашка имѣетъ видъ прямого мѣшка, съ разрѣзомъ по срединѣ груди; подолъ ея украшается вышивкой. Для болѣе холодной погоды у терюханокъ имѣется *серьмяга* — узкій до пояса, но расширяющійся книзу кафтанъ изъ бѣлаго самодѣльнаго сукна, украшенный по подолу узорами изъ шнура и раковинъ.

За терюханами на В. и на Ю. идетъ эрзя. Широко раскинувшая свои поселенія, эрзя по формамъ костюма можетъ быть раздѣлена на три группы, границы которыхъ, къ сожалѣнію, можно намѣтить только самымъ приблизительнымъ образомъ.

Первая группа охватываетъ на коренной территоріи мордвы Арзамасскій и Ардатовскій уу. Нижегородской губ., а на новыхъ заволжскихъ мѣстахъ—Ставропольскій у. Самарской губ. (вѣроятно и другіе, смежные съ нимъ) и Стерлитамакскій у. Уфимской губ. Характерными принадлежностями костюма этой группы являются: 1) круглый, вышитый бисеромъ кокошникъ, въ видѣ полуцилиндра, съ спускающейся на спину широкой, унизанной блестками лопастью, 2) сдѣланные изъ толстой ткани и убранные ря-

дами ужовокъ, бубенчиковъ и бусъ, передникъ и назадникъ.

Слѣдующую крупную группу, *восточную*, образуютъ уѣзды Лукояновскій и Сергачскій Нижегородской губ., Саранскій—Пензенской и примыкающіе уѣзды Симбирской губ. Эту группу характеризуютъ: высокій, узкій, поднимающійся надъ лбомъ въ видѣ рога кокошникъ и такъ наз. *пулагай*—толстый бисерный, украшенный длинною, черной бахромой назадникъ.

Третью маленькую *группу* образуетъ эрзя Тамбовской губ. Кокошникъ этой группы, по своей основной формѣ, приближается къ кокошнику первой группы, но отличается отъ него характерными придатками по бокамъ, надъ ушами, въ видѣ свитыхъ изъ красныхъ нитокъ или птичьяго пуха мячей. Задняя часть кокошника отличается тѣмъ, что тулья его сверху сплошь унизана особаго рода мелкими мѣдными пуговицами и производитъ впечатлѣніе чувашской *тохьи* (дѣвичьей шапочки). Мѣсто пулагая и длиннаго назадника здѣсь занимаетъ прикрѣпленная сзади къ поясу бисерная накладка. Неизвѣстную въ другихъ мѣстахъ принадлежность костюма этой группы составляетъ т. н. *шубейка*. Это—сшитая изъ кумачу на легкой подкладкѣ и оторoченная мѣхомъ безрукавка съ мѣховымъ воротникомъ. Несмотря на свое названіе, шубейка представляетъ собою принадлежность лѣтняго костюма и замѣняетъ собой шушпанъ.

Эрзянки носятъ тѣ же по формамъ, но гораздо болѣе расшитые, чѣмъ у терюханокъ, шушпанъ и рубашку. Шушпанъ XVIII в. имѣлъ желтый цвѣтъ и широкіе (до полу аршина) рукава; въ настоящее время онъ дѣлается бѣлый и особенно богато расшивается на груди. Вышивка эта (*сӧрма*), когда полы сведены на груди, представляетъ широкій четыреугольникъ.

Въ костюмѣ мокши замѣтны—по отношенію къ головному убору—три группы: *сѣверозападная*, которая захватываетъ сѣверную половину Краснослободскаго у. (на С. отъ

уѣзднаго города) и смежныя мокшанскія селенія Тамбовской губ.; *юго-западная*, въ составъ которой входитъ южная часть Краснослободскаго у., и *восточная*, охватывающая собою Инсарскій у. Первая группа употребляетъ *панго*, имѣющее видъ нѣсколько срѣзаннаго черемисскаго тюрика (*шиня́-шо́бочо*), у второй еще недавно было въ употребленіи панго въ видѣ лопатообразныхъ черемисскихъ сорокъ; третья группа представляетъ панго, очень близкое по формѣ къ изображенному у Палласа и Георги (въ видѣ митры).

Группы, намѣченныя нами, различаются и по другимъ особенностямъ костюма. Одинаковый по основной формѣ, панаръ имѣетъ, напр., у восточной группы широкую вышивку во всю длину рукава, которой мы не встрѣчаемъ на западѣ. Сравнительное изученіе покажетъ немало другихъ мелкихъ варіантовъ въ формѣ пояса, поясныхъ, грудныхъ и шейныхъ украшеній.

Въ томъ видѣ, какой панаръ имѣетъ у эрзянокъ, онъ чрезвычайно близокъ къ византійскому мужскому одѣянію, которое называлось далматикомъ, дивитисіемъ или саккосомъ. Эта близость невольно, сама собой бросается въ глаза: нижній разрѣзъ эрзянскаго панара представляетъ полное тожество съ разрѣзомъ и украшеніями дивитисія. Позволительно высказать предположеніе, что это сходство—не случайность, а пережитокъ того вліянія, которое имѣла Византія, а можетъ быть еще и греческія колоніи, на костюмъ народностей, населявшихъ южную и среднюю Россію. Что формы былой мужской одежды уцѣлѣли въ женской—этому не приходится удивляться. Сустугъ является въ настоящее время принадлежностью женскаго мордовскаго костюма, между тѣмъ въ XVII в. и раньше онъ украшалъ вмѣстѣ съ гривнами и браслетами мужчинъ; бисерное оплечье (*цифкс*), которое мы встрѣчаемъ у мокшанокъ, когда-то фигурировало на Востокѣ и Западѣ также въ качествѣ принадлежности мужского костюма.

Вопросъ о пути, которымъ попали къ мордвѣ эти принадлежности южнаго греческаго костюма, можетъ быть рѣшенъ на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя предлагаетъ намъ археологія. Бассейнъ Цна-Мокша-Ока съ первыхъ вѣковъ нашей эры находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ греческимъ югомъ: монеты римскихъ императоровъ, въ качествѣ случайныхъ находокъ, встрѣчались здѣсь уже давно. Въ 1892 г. членъ Имп. Арх. Коммиссіи *А. А. Спицынъ* нашелъ византійскія монеты VIII и IX в. въ Кошибеевскомъ могильникѣ, который, по характеру найденныхъ въ немъ вещей, онъ признаетъ за мордовскій. Коечто изъ принадлежностей своего костюма мордва могла получить такимъ образомъ прямо отъ торговцевъ-грековъ. Вѣроятнѣе другое предположеніе: греки передали свой костюмъ русскимъ племенамъ днѣпровскаго бассейна; отъ нихъ его заимствовали меря и мордва и, по свойственному финскимъ племенамъ консерватизму, сохранили до нашего времени. Роль этихъ племенъ, какъ хранителей древне-русскихъ формъ костюма, жилья и многихъ другихъ сторонъ быта, еще недостаточно оцѣнена, хотя матеріалъ для этого уже имѣется.

Обзоръ творчества мордвы въ области внѣшняго быта мы закончимъ тѣми зародышами искусства, которыя представляютъ собою вышивки, украшающія мордовскія одежды. Носительницей и выразительницей эстетическихъ потребностей является у мордвы женщина. Мордвинъ равнодушенъ къ изящному; во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ преслѣдуетъ практическую цѣль. Женщина выказываетъ, сравнительно съ нимъ, бóльшую широту потребностей. Она не меньше чувашки и черемиски работаетъ надъ украшеніемъ своего костюма и проявляетъ въ этой области нѣкоторую долю оригинальности. Сравненіе эрзянскихъ и мокшанскихъ вышивокъ съ черемисскими и чувашскими показываетъ, что оригинальность эту въ большей степени обнаруживаетъ эрзя, въ меньшей мокша.

Эрзянскія вышивки рѣзко отличаются отъ черемисскихъ по своимъ мотивамъ. Холстъ зашивается почти сплошь нитками одного какого-нибудь цвѣта, чаще всего т. наз. *бордо*. На этомъ основномъ фонѣ выступаютъ звѣздочки или квадратики какого-нибудь другого цвѣта, чаще чернаго. Такого же рода вышивка широкой полосой спускается на рубашкѣ отъ пояса къ подолу, гдѣ около небольшого разрѣза она расширяется.

Вышивки мокшанскихъ рубашекъ и панго обнаруживаютъ своими мотивами значительную близость къ чувашскимъ и черемисскимъ. На тюрикообразныхъ панго Краснослободскаго у., на рукавахъ, плечахъ, обшлагахъ рубашекъ Краснослободскаго и Инсарскаго уу. мы встрѣчаемъ обычные у черемисъ и чувашъ стилизованные розетку, свастику и крестъ. Эта однородность узоровъ обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ прошлое. Старинная рубашка Инсарскаго у., и по узорамъ вышивокъ, и по общему стилю, гораздо ближе къ черемисскимъ, чѣмъ позднѣйшія. Въ то время, какъ на широкихъ рукавныхъ вышивкахъ старыхъ рубашекъ встрѣчаются крестъ и розетка, рукава новѣйшихъ рубашекъ, какъ и въ Краснослободскомъ у., зашиваются сплошнымъ узоромъ, который чаще всего имѣетъ видъ переплетающихся лентъ двухъ цвѣтовъ.

Это родство мокшанскихъ и черемисскихъ вышивокъ представляетъ любопытный матеріалъ для уясненія былыхъ отношеній мордвы къ народностямъ Поволжья. Въ настоящее время въ сосѣдствѣ съ чувашами и черемисами живетъ эрзя Симбирской и Нижегородской губ., сосѣдями же мокши являются, кромѣ эрзи, русскіе и татары. То же взаимное положеніе народностей мы должны будемъ констатировать, если обратимся къ свидѣтельствамъ исторіи. Эрзя и терюхане были сосѣдями черемисъ въ XVIII, XVII и XVI вв. Исходя изъ этихъ фактовъ, мы должны были бы ожидать, что не мокша, а эрзя обнаружитъ бóльшую близость къ черемисамъ и чувашамъ. Объяснить ка-

жущееся несоотвѣтствіе фактовъ можно только тѣмъ, что мокша когда-то раньше, еще въ мерянскую эпоху, жила рядомъ съ черемисами. Вотъ почему родственныя съ мордовскими и преимущественно съ мокшанскими формы головного убора оказываются у черемисъ Вятской губ., несомнѣнно ранѣе своихъ приволжскихъ родичей выступившихъ изъ своей первоначальной родины—съ береговъ Оки.

Къ этому отдаленному періоду, когда черемисы жили по нижнему теченію Оки, а мокша примыкала къ нимъ, занимая бассейнъ рѣки того же имени, и можно отнести, съ извѣстной вѣроятностью, общія формы орнамента, рядомъ съ нѣкоторыми общими формами костюма.

2007051121